

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Проспект Революции... Здание университета с памятником Андрею Платонову у главного входа. В наши молодые времена этого памятника не было. Теперь идущий Платонов, делающий шаг из аллеи на улицу, напоминает мне многих знакомых, которые приходили из университета к нам в Союз писателей и журнал «Подъём» по главной улице. Это были профессора, аспиранты, студенты-критики и некоторые писатели, которые были уже членами Союза писателей, но учились в университете, как, например, Олег Шевченко перед поступлением в Литературный институт.

ПРОФЕССОР ФИЛЮШКИНА

Бывшая девочка-вундеркинд. В 12 лет в альманахе «Литературный Воронеж» напечатала пьесу о борьбе с сусликами и суховеями. Потом много писала стихов, но печаталась редко.

Училась в Воронежском университете, тратила слишком много усилий, чтобы быть лучше других. Испытывала большое нервное напряжение, после которого требовалась разрядка. Поэтому после каждого экзамена раскладывала дома на полу учебники и топтала их, совершая ритуальный танец.

После окончания университета, как и Владимир Гусев, два года работала в газете «Молодой коммунар», пока не поступила в аспирантуру. Уже будучи аспиранткой на кафедре иностранной литературы, съездила в Англию. В туристической группе был скромный парень-работяга. Она привезла его в Воронеж и вскоре вышла за него замуж. Парень попал в интеллигентную семью с непонятными для него бытовыми порядками. В большой квартире имелась комната, где висела старинная картина в золотой раме и жила собака. Питались они тоже своеобразно. Муж Светланы иногда появлялся в редакции, где его жена продолжала сотрудничать, жаловался, что в его новой семье картошку подают на стол с какими-то кореньями, которые надо есть для здоровья. Питание в этой семье было лечебное. Картошку варили вместе с брюквой, чтобы больше было витаминов. А парень — «хищник». Его организму требовалось мясо, бифштекс с кровью, чтобы он мог его рвать зубами и рычать. А тут — брюква...

Света Филюшкина уже преподавала в университете, но все еще посещала литературное объединение, которое вел Владимир Гордейчев. Сегодня она участвовала в обсуждении стихов Валерия Мартынова вместе с Олегом Шевченко, а завтра студент филфака Олег Шевченко пришел в университет, чтобы получить зачет по иностранной литературе. Олег вальжжно подсел к столу, положив ногу на ногу.

— Сказки Гофмана, — проговорила Светлана тоненьким голосом и мило склонила голову на бок. Лицо круглое, доброжелательное, волосы косой челкой падают на лоб.

— Сказки Гофмана — хорошие сказки, — помахал Олег рукой в воздухе, как бы подбирая слова, но ничего не подобрал. — Чего тут говорить, сказки Гофмана или сказки бабушки Куприянихи... Сказки, они и есть сказки.

Он держал руку наготове, чтобы забрать зачетную книжку. Светка девка своя, можно говорить все, что взбрет в голову, можно ничего не говорить. Зачет будет.

— Олег Шевченко, вы пришли в университет учиться. Я требую от вас университетских знаний.

Олег изумился, потом разозлился. Зачет она ему в этот раз не поставила.

СТУДЕНТ АРКАДИЙ СЛУЦКИЙ

Он приехал в Воронеж из Киева, привез несколько номеров журнала «Леп». Поступил в Воронежский университет. Учился на филфаке. Писал стихи и небольшие заметки в газету. Время от времени уезжал в Москву, ходил по букинистическим магазинам. Летом отдыхал в Коктебеле. Часто бывал в доме у вдовы Грина. Аркадий собирался написать книгу о Грине.

Я его увидел на лестнице перед входом в редакцию журнала «Подъём». Стоял, прислонившись к перилам, обросший черной бородой, в черном свитере с широкой горловиной. Спрашиваю:

— Где ты пропадал?

— Я только что приехал из Москвы.

— Что там делал?

— Сидел в ЦГАЛИ. Просматривал архивные материалы об Александре Грине.

Стихи Аркадий писал непонятные, немножко сумасшедшие. Олегу Шевченко и Людмиле Бахаревой такие стихи очень нравились.

Я работал в журнале «Подъём». Аркадий Слуцкий часто приходил ко мне в редакцию, иногда раньше меня. Стоял на площадке, опираясь на перила, ждал,

чтобы, когда я открою ключом дверь и мы войдем в тихий, уютный кабинет, сесть, положить ногу на ногу и поговорить о стихах, о Грине.

Мы сидели в редакции журнала «Подъём». Гордейчев был в отъезде. Я в качестве заведующего отделом поэзии вел заседание литературного объединения. Аркадий немного опоздал. Заглянул в дверь, снял кепку:

— Разрешите?

Прошел к свободному стулу, пошатываясь (выпил с друзьями). А когда Аркадий выпивает, его реденькая черная бородка начинает воинственно топорщиться. Глаза становятся настолько разными, словно хотят разбежаться в разные стороны. Обсуждали случайного поэта, который прислал толстую рукопись в «Подъём».

— Прочтите два-три стихотворения, которые вы считаете лучшими, — предложил я.

Одного стихотворения было достаточно, чтобы понять: перед нами графоман. Аркадий поднял руку, как в школе. Одним глазом смотрел на меня, другим глазом на читающего стихи графомана.

— Эдик, разреши мне задать этому товарищу вопрос.

Я кивнул:

— Давай.

Тогда Аркадий вскочил, нагнулся, чтобы заглянуть автору в глаза:

— Откуда ты знаешь, что Бога нет?

— А ты уверен, что есть? — спросил тот.

— В том-то и дело, что я не уверен.

И сел. Но потом на протяжении всего заседания порывался несколько раз что-то сказать, вскакивал, протягивал руку. В конце концов, признался:

— А вообще, братцы, я пьяный.

И сел. Все засмеялись. Заседание на этом закончилось.

СТУДЕНТ ВЛАДИМИР СИСИКИН

Красивый элегантный парень из хорошей семьи. Очень долго ходил в модернистах. Писал стихи, которые кончались строками:

Холмик могильный, холмик
Из выкуренных папирос.

Окончил университет, уехал на Сахалин. Преподавал там в вечерней школе литературу, плавал на кораблях. И вдруг вернулся в Воронеж. Я его встретил вечером на проспекте Революции. Мы прошлись рядом до телеграфа.

— Что пишешь? — спросил я.

Он прочитал мне простенькие детские стихи «Про Таню и Галю».

Эта проталина — Галина.
Эта проталина — Танина.
А этот ручей — чей?

Симпатичный талантливый парень. Рано умер.

ПРОФЕССОР А.М. АБРАМОВ

Бобоня читал стихи: поэму о матери. У Анатолия Михайловича Абрамова под очками начали краснеть глаза. Он крепился, но потом, не выдержав, отвернулся к спинке дивана, и начал что-то делать с очками, с глазами. Вытер очки, глаза. Он был расстроган всерьез. Бобоня продолжал читать. Глаза у Анатолия Михайловича снова наполнились слезами. Повернувшись ко мне, он прошептал:

Анатолий Абрамов

— Современный Кольцов.

В период, когда я учился на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Госкино СССР, я жил снова в общежитии Литературного института. Наши курсы арендовали комнаты для студентов. Рано утром, часов в пять, ко мне в комнату постучал Бобоня. Не знаю, учился он в это время в Литературном институте или случайно ночевал у кого-то из приятелей. Бобоня подарил мне книгу, которая вышла у него, и попросил займа денег. Не на что было купить билет на поезд для поездки в Воронеж. Я, толком не проснувшись и не поблагодарив за книгу, дал ему денег на билет. Потом, когда за ним закрылась дверь, лег и тут же заснул. Автограф на книге прочитал только утром.

Потом, уже приехав в Воронеж, узнал: пьяный Бобоня утонул чуть ли не в дождевой луже. Как и почему погиб «современный Кольцов»?

НЕКРАСИВАЯ ФАМИЛИЯ

На очередном вторнике в большом зале

Союза писателей читал стихи работник типографии Пичугин. Кто-то пошутил: — Смени фамилию. Может ли быть поэт с фамилией Пичугин?

Абрамов вскочил со стула:

— Будь ты Пичугин, Кошечкин, Соломонкин — все равно. Талант приходит, не обращая внимания на фамилию.

Он говорил, распалаясь все больше и больше, махал руками, актерствовал. Вдруг схватил стул и поставил на стол, на зеленую скатерть. Потом положил и попробовал на глазах изумленной аудитории выломать из стула перекладину, чтобы доказать, что человек, не обладающий талантом столяра, не сможет даже вот так просто сломать стул.

— Я жду новые таланты. Я тоже пишу стихи, Я хочу встречи с Кукишрикиным, который будет так же талантлив, как Пушкин.

Анатолий Михайлович ждал поэтов, торопился их узнать. «Бобоня — современный Кольцов». Эта его готовность открывать новые имена, помогла ему раньше других оценить талант Анатолия Жигулина. Поэт, вернувшийся из лагеря, делавший в прямом и переносном смысле первые шаги по воронежской земле, был очень болен. Туберкулез! Впоследствии ему удалили одно легкое. В «Литературной газете» появилась статья Абрамова: «Помогите Жигулину». На этом Анатолий Михайлович не успокоился. Центрально-Черноземное книжное издательство выпустило книгу стихов Жигулина «Костер-человек». Абрамов послал эту книгу Твардовскому. В сентябре 1961 года получил из Москвы телеграмму: «Напишите для Нового мира рецензию на Костер Жигулина зпт Передайте автору мою просьбу присылать новые стихи — Твардовский».

Профессор Абрамов любил литературу страстно, неистово. После его статьи в «Литературной газете» и письма в «Новый мир» многие помогали Жигулину, и больше всех — Твардовский, опубликовавший в популярном журнале стихи большого поэта.

ЗАСТРЕЛЮСЬ!

Анатолий Михайлович вбежал к нам в редакцию журнала, толкнулся в один кабинет, в другой:

— Застрелюсь!

Мы сбежались в кабинет Волохова, где он, наконец, остановился:

— Что случилось, Анатолий Михайлович?

— Нет времени. Нет, я, правда, застрелюсь. Сейчас надо говорить о Маяковском по-новому. Я — говорю! Я всегда говорил о Маяковском по-новому. А теперь застрелюсь, потому что не хватает у меня времени.

Немного успокоился, заговорил о 100-летнем юбилее Горького, но после нескольких фраз опять начал махать руками:

— Они хотят заколотить в гроб Горького. Но второй раз нельзя!

ПРОФЕССОР В.П. СКОБЕЛЕВ

Этот человек всегда улыбается. И еще охотнее похохатывает. Старается ни с кем не спорить. Сегодня он появился у нас в «Подъеме» в каком-то выцветшем светло-коричневом берете и старом пальто, потерявшем форму, обвисшем. Принес Зиновию Яковлевичу Анчиполовскому статью о нас: о Дубровине, Воищеве, обо мне.

Зиновию Яковлевичу не понравился заголовок. Скобелев пристал к нам:

— Ребята, помогите придумать заголовок для статьи. О вас же написано, черти.

Мы старательно морщили лбы, но ничего не предлагали. Владислав Петрович махнул на нас рукой, сам придумал. Он назвал свою статью о нашем творчестве «В мир, открытый настезь».

ВЕСЕЛЫЙ КРИТИК

Рывком открывается дверь, и стремительно, с ветерком, в кабинет врывается Вячеслав Петрович Скобелев. Пальто широко распахнуто, берет съехал на ухо. Рот полон золотых зубов, и он улыбается, добавляя к дружелюбной улыбке блеск золота. Быстро раздевается, бросает на вешалку берет, цепляет пальто, с удовольствием усаживается на редакционный диван. Некоторое время продолжает улыбаться, потом его лицо делается серьезным:

— Ну, вот, — говорит он, — знаете, Эдик, наша литература топчется на месте. Она интересная, увлекательная, но она топчется на месте. И вы, и Троепольский — все это очень традиционная манера. Надо писать как-то иначе. А как, я не знаю. Вспомните, какая лаборатория формы была в двадцатых годах: Артем Веселый, Бабель, Неверов... Но повторять их сегодня — это будет вчерашний день.

— Владислав Петрович, я понимаю, вы диссертацию защитили по Неверову. Он ваш родственник, его фамилия тоже Скобелев, Неверов — псевдоним. Но «Ташкент — город хлебный» — такая же традиционная литература.

— Знаете псевдонимы, похвально. Но я о форме.

Когда начинаешь ему возражать, скажешь, что тебе его статья (или что-то в статье) не нравится, у Скобелева делаются большие испуганные глаза. Испуг этот еще больше увеличивается толстыми стеклами очков, которые он тут же в волнении поправляет и то поднимается с дивана, то садится.

— Вы, Эдик, меня озадачили. Надо подумать.

Зиновий Яковлевич, проходя мимо, положил ему на колени журнал со статьей о молодых писателях Воронежа. Журнал только что вышел, но в киосках его еще не было.

— Спасибо вам за статью, — сказал я. — Вы хорошо о нас написали: особенно про Дубровина,.

— Я вас ценю, я за вами слежу.

— Но вы так хвалите нас, что не всегда это можно принять как комплимент.

И тут же я увидел испуг в его глазах, увеличенный очками. Несколько секунд Скобелев пытался понять, что означает моя реплика.

— На вас, господа, не угодишь.

Потом он разговаривал с Анчиполовским. Я выходил в другие комнаты. Мы встретились перед его уходом в коридоре, загородив друг другу дорогу. Владислав Петрович спешил на лекцию в университет с журналом в руках. Смущаясь, застегивая машинально пуговицу на пальто, он предложил:

— Эдик, я хочу вам сказать... Если будет желание посоветоваться, обращайтесь. Я буду рад.

ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ

Иду по проспекту Революции. Пересекаю улицу неподалеку от редакции журнала «Подъём». Вдруг — сзади:

— Эдик!

Оборачиваюсь: профессор Скобелев, молодой, энергичный, в легкомысленной пепочке, сдвинутой слегка на бочок. Идет, подпрыгивая. Весь мир для него добрый, приятный. И он рад видеть деревья, тротуары и меня. На губах улыбка:

— Здорово!

Мы здороваемся за руку. И Владислав Петрович сразу начинает разговор про Сашу Гитри, о котором я не знаю ничего, а он знает все. Потом разговор переходит к поэму Евгения Евтушенко «Братская ГЭС». Мы ее только что прочитали вслух в редакции журнала «Подъём». Читал я; все остальные: редакторы, корректоры, случайно зашедшие авторы, слушали. Поэму напечатал журнал «Юность», а я считал этот журнал своим. В нем напечатали мою повесть «Ньютоново яблоко».

— А знаете, Владислав Петрович, — говорю я, — «академикам», Зиновию Анчиполовскому и Владимиру Гусеву, поэма не понравилась.

Он быстро спрашивает:

— Почему?

— Они считают: поэма благородная, но малохудожественная.

— А вы знаете, Эдик, я с ними согласен.

Ну, конечно же, он с ними согласен. Он тоже из высоколобых ценителей литературы, профессор. Мы идем, Скобелев продолжает оставаться все в том же великопнейшем расположении духа. Сейчас ему читать лекции, и у него такое хорошее настроение. И он говорит:

— Знаете что, Эдик, проводите меня до университета.

И я охотно его провожаю.

МЕСТО ВСТРЕЧИ — РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Выбегаю из подъезда здания, где располагается редакция журнала «Подъём» и попадаю прямо в объятия к Скобелеву. Успеваю задать вопрос:

— Вы куда?

— А вы куда? — спрашивает он.

— Да, собственно, никуда. Просто энергии много, не знаю куда девать. Иду быстро, но никуда не тороплюсь.

— Проводите меня до университета.

И я опять его провожаю.

— На лекцию идете?

— Нет. Несу дипломную работу.

Он протягивает мне папку. Я беру, читаю. Прямо на папке выведено: «Народные песни и варианты».

— И варианты? Это интересно.

— Да! — Скобелев прямо в руках у меня открывает папку, достает свою рецензию. И начинает мне зачитывать куски из нее, что-то насчет того, что народ не только редактирует песни в хорошую сторону, но иногда и портит.

— Знаете, как в некоторых вариантах поют строчку «Хазбулат удалой»? — И после короткой паузы: — «А с булата долой». Нелепость!

СКОБЕЛЕВ О ТРОЕПОЛЬСКОМ

Владислав Петрович Скобелев напечатал в газете «Молодой коммунар» статью о Троепольском. В заключительном абзаце он написал: «Гавриил Николаевич не только большой писатель, но и большой гражданин...» И в доказательство привел пример из его очерка «О реках, почвах и прочем», опубликованном в «Новом мире».

Эта работа Троепольского о неправильном землепользовании в Воронежской области стала знаменитой не меньше его рассказов, повестей и романов, хотя очерк был написан (по его собственному признанию) не писателем, а агрономом, рыбаком, охотником.

Приехала комиссия разбираться. А тут вдруг статья в газете с одобрением очерка «О реках, почвах и прочем». Глава комиссии Пысин пришел к секретарю обкома Хитрову:

— Вот тут газетка вышла. Это что... мнение обкома?

— Какая газетка? Я ничего не знаю.

— «Молодой коммунар».

Хитров прочитал несколько абзацев в газете, позвонил в приемную секретарю:

— Соедините меня с Шишлянниковым.

Секретарь позвонила главному редактору газеты «Молодой коммунар», сообщила ему:

— С вами будет разговаривать первый секретарь обкома Степан Дмитриевич Хитров.

Шишлянников много лет был главным редактором молодежной газеты. Он потом рассказывал, что перед предстоящим разговором с первым секретарем обкома его сразу пот прошиб. В телефонной трубке загромыхал голос большого начальника:

— Что вы лезете вперед паровоза. Комиссия только приступила к работе, а у вас уже выводы.

В трубке было тихо, Хитров даже засомневался, слушает его кто-нибудь на том конце.

— Алло, вы меня слушаете?

— Да, Степан Дмитриевич.

— Кто такой этот Скобелев?

— Доцент университета.

— Чего он делает?

— Литературу преподает.

— Ну и пусть занимается своим делом, а куда не надо, не лезет. Прошу разобраться.

Хитров трубку положил. Шишлянников сидел некоторое время, не меняя позы. Он не понимал, как он должен разобраться со Скобелевым. Что нужно для этого сделать?

Владислав Петрович Скобелев, молодой профессор, красивый, умный. Его обязательной улыбкой очарованы женщины в «Подъёме», издательстве, университете. Входит и сразу начинается разговор о литературе. Здесь, в «Подъёме», мы все (Скобелев, Анчиполовский, я, Воищев, пришедший с повестью о Пушкине) решаем, как надо писать в наше время, как двигать русскую литературу вперед.

Но появляется женщина, телевизионная дива Белла Немировская. Она подключается к разговору о литературе. И тут профессор Скобелев очень умело выделяет в литературе тему любви и начинается разговор о женщинах. Владислав Петрович очень любит поговорить о женщинах, даже больше, чем о литературе. Он готов обсуждать неизбежность измен, лишнюю женскую стыдливость.

— В наш просвещенный век только однополая любовь — разврат. А все остальное — норма.

Женщины понимают: это он не о себе. Он — любовник-теоретик. Речь его вдохновенна, кажется, вот сейчас возьмет любую и закружит в вихре страсти. На самом деле он верный муж, семьянин, просто любит поговорить, одним словом, любовник-теоретик.

МАМА УМЕРЛА

Скобелев пришел к нам в журнал в маленьком берете, напяленном внатяжку на большую голову, в коротенькой застиранной курточке. Никогда раньше я не видел его так небрежно одетым. Сел на стул, стоящий между моим столом и столом Зиновия Анчиполовского. Мы молча смотрели на него, ни о чем не спрашивали.

Он тихо сказал:

— Мама умерла, — и через паузу продолжил: — Из меня как будто стержень вынули. Я с удовольствием о ней заботился. Я знал, что у нее рак, знал, что больна безнадежно. Но как-то не понимал... Заботился, заботился и вдруг все кончилось.

Потом поговорили вскользь о делах «Подъёма». У Владислава Петровича шла какая-то статья.

Сказал, вздохнув:

— С первого июня выйду на работу.

СКОБЕЛЕВ В ТОЛЬЯТТИ

Последний раз мы встретились с Владиславом Петровичем далеко от Воронежа. Министерство культуры РСФСР поручило Народному артисту Глебу Дроздову создать театр в автомобильном городе Тольятти. Дроздов позвонил мне:

— Пашнев, возглавишь литературную часть в театре «Колесо»?

Новый театр в городе на Волге получил в министерстве статус культурного центра. Я познакомился с писателями, живущими в Тольятти. Пишущих было много, некоторые сочиняли пьесы и даже побеждали на драматургических конкурсах. Я стал приглашать писателей в театр. Главный режиссер Глеб Дроздов предоставлял нам свой огромный кабинет для заседаний. Тольяттинские писатели издавались в Самаре и Москве, пьесы тольяттинских драматургов ставились театрами. Но своей писательской организации в автомобильном городе не было. Я был единственным членом Союза писателей в городе, и членские взносы по-прежнему вынужден был платить в Воронеже. В течение первого года моей работы в театре «Колесо» мы подготовили документы, собрали рекомендации и сразу не-

сколько авторов были приняты в Союз писателей. Я стал первым руководителем Тольяттинской писательской организации.

В это время Скобелев переехал в Самару, город своего детства и юности. Перестройка шагала по стране. От СССР отделялись республики. Заявила о своем суверенитете и Россия. Союз писателей СССР распался на несколько организаций. Основными стали Союз писателей России и Союз российских писателей. В первом остались только писатели России; во втором могли быть писатели из республик. Этот союз считался более демократическим, интернациональным. Каждый писатель должен был решить для себя, с кем он хочет состоять в союзе — с патриотами, ориентированными на интересы национальные, или с демократами-интернационалистами. На эмоциональном уровне говорили просто:

— Старый и новый союз писателей.

Тольяттинские авторы вступили в новый «Союз российских писателей». Город выделил нам помещение на улице Ленина: книжный магазин вместе с книгами, директором и продавцами. Мы заседали в книжном зале, когда торговля прекращалась и магазин закрывался.

Вячеслав Петрович Скобелев, как многие литературоведы его уровня, был членом Союза писателей. Он неожиданно появился в нашем книжном магазине:

— Здравствуйте, Эдик! Вы создали здесь Союз российских писателей. Я хочу стать на учет в вашей организации.

Самара — большой университетский город. Тольятти находился в административном подчинении Самары, хотя и сам стал со временем гигантским автомобильным городом. Расстояние между городами небольшое, но все-таки, чтобы преодолеть его на машине, требовалось несколько часов. Вячеслав Петрович готов был ездить к нам.

Вечером на учредительном собрании профессор Скобелев выступил как член тольяттинской организации.

Ему очень нравилось, что мы собираемся на свои заседания в книжном магазине, что уже выпустили первый номер газеты «Магазин-клуб» и собираемся учредить городской журнал. Но на следующее заседание он не приехал и официально так и не стал на учет в Тольяттинской писательской организации.

Олег Ласунский, историк культурной жизни нашего края, работал рядом со Скобелевым в университете. Он пишет в книге «Литературная прогулка по Воронежу: «Владислав Петрович... Это была удивительно колоритная личность. От него и в самом деле исходил какой-то внутренний свет. Он имел прямо-таки магическое нравственное влияние на всех, кто его окружал. В Самаре, где он родился и похоронен, вышел посвященный ему мемуарный сборник, названный поразительно точно — «Человек-праздник».

Да, может быть, поэтому так хорошо и помнятся все встречи в «Подъёме» и последняя встреча в Тольятти.

ПРОФЕССОР В.И. ГУСЕВ

Владимир Гусев окончил Воронежский госуниверситет. Два года работал журналистом в газете «Молодой коммунар». Затем поступил в аспирантуру Московского университета. Его руководителем был Геннадий Николаевич Поспелов.

Володя писал критические статьи и рассказы. Кое-что публиковал. По нескольким статьям и рассказам его приняли в Союз писателей. Так складывалась его внешняя биография. Казалось, он успешно шагает со ступеньки на ступеньку и все вверх. Но при этом он был очень неуверенным в себе. Защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом, но для себя не определил твердо, что является его призванием: теория литературы или практика.

— Ты был в Москве? Что там? — спросил я его.

— Кинул рассказ в «Новый мир».

— Приняли?

— Если напечатают, буду писать романы. Не напечатают, буду преподавать русскую литературу.

Рассказ напечатали. Но теорию литературы он все же начал преподавать в Воронеже, а потом в Москве.

ЧЕТКИ ДЛЯ ВОЛОДИ ГУСЕВА

Гусев казался очень спокойным человеком. Но ему был свойственен один болезненный жест. Руки его, незаметно для окружающих, были все время в движении. Он общипывал кожу с пальцев, иногда до крови. Кожа на больших и указательных пальцах обеих рук висела лохмотьями. К этим пальцам страшно было прикасаться во время рукопожатия. А он протягивал руку, а потом ходил по комнате, что-то говорил, говорил и общипывал, общипывал кожу на пальцах.

Эту жестокую картину долго наблюдал Гордейчев.

— Надо ему четки купить, — сказал он.

Во время разговора Гусев так увлекался, что не мог просто так сидеть на стуле. И стоять не мог. Он поворачивался к столу спиной, облакачивался на него локтями и так некоторое время висел, не прекращая своего монолога. Говоря с раздражением о критиках Некрасова, о людях, которые не читали стихов великого поэта, а читали только, что играл в карты, соблазнял женщин. Он так взмахнул рукой, что чуть не свалился между столом и стулом на пол.

В другой раз, когда мы говорили о Рабле, он задрал ноги и хотел положить их на стол, но каблуки соскользнули и он грохнулся в пространство между столом и стулом. И все эти манипуляции со своим телом он проделывал так, будто тело — это что-то ему ненужное, чужое. Главное не жесты, не каблуки на столе, а то, что он говорил, продукт его духа.

ДОЧЬ ГУСЕВА

В последнее время стал замечать: суровый и непримиримый критик литературы и жизни не просто недоволен, а всегда недоволен. Придет, сядет, угрюмо посмотрит мимо — в окно.

— Что случилось? — спрашиваю его.

— Да вот родил я, значит, дочь. Пришел зарегистрировать. Мне говорят: здесь распишись, здесь распишись. Я везде расписался, а свидетельства о рождении не дали, говорят: приходите во Дворец Карла Маркса с женой и ребеночком, там в торжественной обстановке вам будет вручено. Я говорю:

— А без этого нельзя?

Мне отвечают:

— Нельзя!

СТОЛОВАЯ ЗАКРЫТА

Пришел перед концом рабочего дня. Я был один. Анчиполовский ушел в театр. Гусев сел в кресло Анчиполовского — напротив меня и, как всегда, начал брюзжать. Сначала это брюзжание воспринимается как фон, потом постепенно начинаешь вслушиваться в слова и понимаешь о чем речь. Сейчас он брюзжал, оттого что на стрельбище в военкомате выбил из пистолета всего пять очков.

— Я стрелял в очках, — объяснил он.

На последних словах в нашей комнате № 17 появилась Ася, корректор «Подъёма», жена Гордейчева. Она всегда появлялась, когда приходил Гусев.

— А пять — это мало, да? — спросила Ася.

— Конечно, мало. Надо семнадцать.

Гусев у нас в «Подъёме» никогда не раздевался, не чувствовал себя здесь дома. Он снимал только шапку и трепал ее во время разговора за одно ухо. Закончил про военкомат, начал брюзжать о гениальности Лермонтова, Пушкина, Алеши Прасолова.

Было уже пять часов. Рабочий день закончился. Мы вышли вместе на улицу, продолжали говорить про Лермонтова, Пушкина, Алешу Прасолова. Гусева заинтересовала вывеска на проспекте Революции — «Столовая». Он подошел, подергал дверь. Столовая была закрыта.

— Ты что... в столовой питаешься? — спросил я.

— У меня сейчас дома такая обстановка, что я не могу дома обедать. Принципиально не обедаю.

Владимир Гусев

ПРОФЕССОР ЛАСУНСКИЙ И «ВОРОНЕЖСКИЙ БИБЛИОФИЛ»

Университет. Я поднимаюсь по лестнице торжественным шагом. Теперь и я смогу приходить сюда на занятия. Теперь и я здесь учусь. При научной библиотеке ВГУ создан кружок любителей книги «Воронежский библиофил». Мысленно я называю кружок факультетом книговедения, на который каждый человек, будь он рабочий или профессор, волен зачислить сам себя в студенты.

В дверях небольшого зала гостей встречают сотрудники библиотеки во главе с директором Светланой Владимировной Янц. Старший редактор отдела комплектования Нина Митрофановна Федосова прикалывает мне на лацкан пиджака маленький значок с изображением Пушкина. На длинном столе, застланном зеленым сукном, возвышается старинная чернильница с гусиным пером, лежит лист бумаги с автографами тех, кто пришел раньше меня. Я тоже расписываюсь на листе «пушкинским пером». Все это — и значок на лацкане пиджака, и старинная чернильница-сувенир — своеобразные декорации, призванные настроить аудиторию на тему сегодняшнего, третьего по счету, заседания «Пушкин на моей книжной полке».

Олег Григорьевич Ласунский не зря был избран нами на учредительном собрании председателем. Помимо своей преподавательской деятельности в университете (ученый-филолог читает студентам историю русской литературы XIX века), он много лет ведет во всех доступных хранилищах и архивах книжные и историко-литературные разыскания. Томик его библиофильских историй «Власть книги» стал библиографической редкостью, сборник рассказов «Литературные раскопки» тоже редкость.

Несколько лет назад совершенно случайно я оказался с О.Г. Ласунским в московской гостинице «Центральная» в одном номере. Отправляясь в гости к знакомому библиофилу, Олег Григорьевич прихватил меня с собой. Этим знакомым оказался вице-президент Академии педагогических наук СССР, доктор физико-матема-

Василий Лосев, Олег Ласунский, Виктор Панкратов,
Александр Акиншин. 1996 г.

тических наук, автор многих учебников, профессор Московского университета, энциклопедист и полиглот Алексей Иванович Маркушевич. Когда мы вошли, нас встретил высокий, с приятной сединой на висках человек, очень простой в обращении, не чувствующий на своих плечах груза перечисленных мною выше титулов.

В коридоре его квартиры, заставленной книжными полками, оставалось узкое ущелье, где мог протиснуться только один человек. Гуськом, один за другим, мы двинулись вслед за хозяином, надеясь попасть в какую-нибудь просторную комнату. Но узкие ущелья между горами книг были и в комнатах. Книги стояли на полках в столовой, в спальне, лежали тяжелыми массивными стопами на полу. Пропутешествовав по лабиринту библиотеки, мы, наконец, выбрались на центральную, очень маленькую и уютную «площадь». В середине находился круглый стол темного дерева, а со всех сторон его обступали шкафы с книгами. На корешках поблескивали названия на многих языках. За столом сидели два человека: Сократ Александрович Клепиков — крупнейший в стране специалист по филиграммам, и Сергей Петрович Фортинский — видный юрист, профессор, обладатель уникальной коллекции экслибрисов.

Меня поразила поза этих людей. Они сидели прямо и держали руки вытянутыми на столе, словно ожидали какого-то чуда и боялись его пропустить. И чудо свершилось. Маркушевич снял с полки какую-то книгу. Он взял ее бережно обеими руками, как берут фарфоровую вазу, и опустил на стол. Это было первое прижизненное издание Исаака Ньютона. Все присутствующие в тот вечер за столом по очереди брали книгу в руки и не рассматривали, а гладили обложку и страницы, священнодействовали. Книга пропуществовала по кругу, миновав меня, потому что, не чувствуя себя посвященным в тайну великого книжного любования, я в первую же минуту спрятал руки под стол и за весь вечер так и не осмелился прикоснуться к этой научной реликвии. Казалось, библиофилы не заметили моего невинного смущения, но, прощаясь со своими гостями, Алексей Иванович неожиданно снял с полки красочный миниатюрный томик сказок с иллюстрациями Татьяны Мавриной и с улыбкой протянул мне в подарок, словно бы приглашая стать собирателем, библиофилом. Позднее, когда мы побывали в гостях у Клепи-

кова в таких же книжных ущельях, Сократ Александрович подарил мне образцы бумаг с филигранями XVII—XIX вв. Был там и образец бумаги Полотняного завода Афанасия Гончарова, родного деда жены Пушкина Натальи Гончаровой, из той партии, на которой Пушкин писал письма. Владелец бумажной мельницы снабжал поэта бумагой для писем и для некоторых прижизненных изданий произведений Пушкина. Московские библиофилы щедро делились с новичком тем, что у них было не в одном, а в нескольких экземплярах.

Вернувшись от Маркушевича, мы долго разговаривали с Олегом Григорьевичем в номере гостиницы о том, что пример таких людей, как Маркушевич, Клепиков, Фортинский, показывает: библиофилиство — не забава чудаков, а насущная потребность современного человека, умеющего ценить накопленные предшествующими эпохами знания. Сегодня, в электронном веке, каждый читатель имеет книгу на батарейках. Она очень удобна для трансляции информации по любому вопросу. Но обычная книга приобретает сегодня совершенно необычное значение. В ней есть заставки, в ней художник играет шрифтами, в ней иллюстрации, форзац, выполняющий роль увертюры, если использовать музыкальную лексику. И, наконец, обложка, от которой часто зависит, возьмет читатель книгу в руки или не возьмет. Обычная книга в наше время стала художественным произведением для чтения. Библиофилы, которые берегут старую книгу, способствуют сохранению книги как художественного произведения для чтения.

Перепечатывая из дневника свои воспоминания, я немного отвлекся на реалии сегодняшнего дня. Вернемся в Москву, в гостиницу «Центральная», на улицу М. Горького. Олег Григорьевич на следующий день должен был делать доклад на заседании секции книги Московского Дома ученых АН СССР. В докладе, посвященном теоретическим и практическим проблемам библиофильства, он перечислил клубы, общества, секции, кружки, объединившие собирателей Москвы, Ленинграда, Харькова, Тамбова, Красноярска, Одессы, Кирова, Херсона; и не мог он упомянуть только свой родной Воронеж. Сожаление, высказываемое в нашем гостиничном разговоре по этому поводу, было для него привычным. В это время в Ленинграде член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Павел Наумович Берков заканчивал подготовку к изданию своего специального труда, охватывающего период в 50 лет и названного им просто и точно «История советского библиофильства (1917–1967)».

— Как же хочется, чтобы в моей книге был и Воронеж, — восклицал он в письмах к Олегу Григорьевичу. — Город Кольцова и Никитина, город с давними литературными традициями — и вдруг не будет представлен... — К сожалению, книга Павла Наумовича вышла уже после смерти автора. В память о талантливом ученом Олег Григорьевич написал статью «П.Н. Берков и библиофильство». И когда его пригласили на научную конференцию работников вузовских библиотек города, он выступил с докладом на эту же тему. Прочитировал и берковские укоризны Воронежу. И вот тут сработало то, что в физике называется эффектом критической массы.

— А почему, в самом деле, у нас нет такого кружка? — буквально вскопчила с места сотрудница университетской библиотеки Нина Митрофановна Федосова.

Зал сочувственно загудел, и стало ясно, что Нина Митрофановна выступает не только лично от себя, но от имени всех присутствующих, а прежде всего от имени своей библиотеки. После окончания конференции к Ласунскому подошла Светлана Владимировна Янц. Она предложила создать клуб или кружок любителей книги при научной библиотеке ВГУ. Это было неожиданно и, пожалуй, немного странно, ибо организация и существование кружка добавляло всем этим и без того занятым людям много дополнительных забот. Но, видимо, нет приятней забот, чем те, что связаны с книгой. Так в апреле 1972 года на дверях научной библиотеки появились две новые буквы «ВВ» — «Воронежский библиофил».

На первое заседание пришло двадцать человек, на третьем («Пушкин — на моей книжной полке») негде было сесть, на пятом, как говорится, «яблоку негде было упасть». Вероятно, сказалось веяние времени... Собираательство книг носит давно уже массовый характер. Библиофильство перестало быть привилегией немногих людей. Но широта еще не предполагает глубины явления, владельцы личных библиотек нуждались в курсах повышения собираательской квалификации, другими словами, в существовании библиофильских кружков и обществ.

Книга, побывавшая в руках у настоящего библиофила, несет на себе не только отпечатки пальцев. У нее появляется биография, паспорт, судьба. В коллекции тамбовского собирателя Николая Алексеевича Никифорова книги, например, начинают новую жизнь после... своей физической смерти. На них штемпелем оттиснуто: «Спасена из утиля». Ниже Никифоров наклеивал экслибрис, изготовленный для него Рокуэллом Кентом или Давидом Бурлюком. Это значит, что появилась вторая отметка, возвращающая книге право быть взятой в руки. Правда, это право относительное. Как-то ценную книгу Никифоров передал в одну из библиотек Ленинграда, и может сам теперь получить ее для прочтения только в виде коробочки с микрофильмом. Сама книга хранится в специальном футляре и никому не выдается.

Библиофилы часто спасают редкие книги. А есть еще обязанность пропагандировать книгу, учить обращению с нею. И все начинается с первого жеста, когда берешь в руки фолиант первопечатной инкунабулы или уникальное издание «Слова о полку Игореве, «Арифметику» Леонтия Магницкого...

Стати, об «Арифметике». Сколько раз в школе приходилось слышать об этой книге, по которой учился еще Ломоносов! Два экземпляра «Арифметики» Магницкого бережно хранятся в фондах научной библиотеки ВГУ. Они были принесены на второе заседание, посвященное редким изданиям XVIII века. На сей раз я считал себя посвященным в тайну великого любования и потому не без внутреннего трепета взял в руки знаменитую книгу, прикоснулся к этой реликвии, полистал исторические страницы. И наблюдая затем за передвижением «Арифметики» Магницкого по зеленому полю сукна, я видел, что некоторые в робости прятали руки под стол. И эта робость мне была понятна, робость будущих библиофилов.

С мая по октябрь в нашем кружке любителей книги произошло много интересного. Мы отметили Международный год книги, встретились с упомянутым здесь Н.А. Никифоровым, который рассказал о романтике книжных поисков. Одно заседание посвятили редким изданиям XVIII века, хранившимся в фондах университетской библиотеки, другое — краеведению, третье — Пушкину.

Передо мной лежат пять пригласительных билетов, визитные карточки «Воронежского библиофила». Они ни в чем не уступают памяткам других подобных организаций Москвы и Ленинграда, а кое в чем и превосходят их. К каждому пригласительному билету на пятое заседание были приложены, например, в качестве сувенира по два экслибриса Н.А. Никифорова. А на обложку пригласительного билета вынесен символический рисунок Рокуэлла Кента: книга — источник света. Любовно выполненные пригласительные билеты «Воронежского библиофила» говорят об его жизненности, ибо, если театр начинается с вешалки, то всякое сообщество книголюбов начинается с пригласительного билета.

АЛЬМАНАХ

Мы шли с Романом Харитоновым по проспекту Революции. Навстречу Олег Григорьевич Ласунский. Как водится в таких случаях, остановились, поговорили. Глядя на меня, Олег Григорьевич спросил:

— Ты слышал: мы без тебя тебя женили?

— Нет. Каким образом?

— Назначили тебя главным редактором альманаха к 50-летию советской власти. Твоим заместителем назначили Прудковского, членами редколлегии — Троепольского, Кораблинова.

Я не слышал и очень удивился.

Потом в газете «Молодой коммунар» промелькнуло сообщение о моем назначении. Но редколлегия альманаха ни разу не собралась. Альманах не вышел. Я не стал главным редактором, хотя очень хотел.

ПРОФЕССОР М.А. САФОНОВ

— Мишка Сафонов — вот бы о ком написать...

Лев Кройчик, профессор ВГУ

ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

Я иду, я от счастья пьян.

Ветер, ветер, — вечер.

Меня встретил каштан

И зажег — белые свечи.

Автор этих стихов — Мишка Сафонов. Он учился в университете, рядом с которым вдоль проспекта Революции росли каштаны. Белые пирамидки из мелких цветов торчали над листьями, как свечи. Я этого не видел, он — увидел. Мишка создал запоминающуюся метафору. Он заставил меня внимательно смотреть на то, что я видел каждый день и, выходит, не видел.

Стихи Мишки Сафонова и он сам запомнились с первой встречи в литобъединении при газете «Молодой коммунар». В университете было свое литобъединение, но Мишка Сафонов ходил и в наше. Здесь можно было не только читать и обсуждать первые опыты начинающих авторов, но и печатать их в областной популярной газете.

Мишка — студент университета; я — фрезеровщик, рабочий завода «Электросигнал» — ничего общего. К тому же выяснилось: студент пишет слабые стихи, в отличие от нас еще не печатался нигде. За несколько лет посещения нашего литобъединения Елена Бердник, зав. отделом писем «МК», не смогла выбрать ни одного стихотворения для публикации в «Молодом коммунаре»... Даже про каштаны не удалось опубликовать, не все строфы были удачные.

Белые свечи каштанов, свет уличных фонарей — все это было светом и цветом главной улицы города Воронежа. В конце проспекта, на широкой площади, стоял памятник Ленину. Вождь показывал рукой, куда идти. Там, куда он показывал — был Воронежский государственный университет — ВГУ. Мне, недавно вернувшемуся из армии, рано было туда идти, я пока учился в шестом классе школы рабочей молодежи.

За спиной Ленина возвышалось здание обкома партии. Справа от него выпирало на площадь округлыми формами строение с шестью колоннами — музыкальный театр.

Начали строить перед войной, в 1941 году законсервировали стройку. После 1945 года здание с шестью колоннами долго стояло недостроенным. В коробке, которая имела крышу, двери, окна, почти целое десятилетие был склад для декораций Воронежского театра драмы. Рядом находился базар. Люди с базара отдирали от заколоченных окон доски, пробирались внутрь, устраивали среди декораций и театральной мебели лежбище. Ночевали тут, среди ставок, пьянствовали, устраивали собачьи свадьбы на диванах и кроватях из списанных спектаклей. Наступил момент, когда воронежские начальники из высокого здания за спиной

Ленина, вспомнили о культуре. Коробку с заключенными окнами быстро достроили, превратили внутри в удобное помещение для актеров и зрителей. И театр музыкальной комедии распахнул двери.

В 1958 году приехал в Воронеж композитор и дирижер Михаил Носырев. Это был человек строгий, как его фрак с длинными крыльями. Он привез молодую жену, почти девочку, в растрепанных веселых кудряшках. Квартиру им дали в большом доме на противоположной стороне площади, из окон которой был виден театр со всеми колоннами и угловое здание гостиницы «Воронеж».

Эмма — родом из Сыктывкара (Коми АССР). Окончила пединститут — историко-филологический факультет (1957 г.), работала в городской газете «Красное знамя», писала стихи.

Миша — молодой музыкант. Встретились — композитор и поэт, написали вместе несколько песен, «Балладу о погибшем воине» и поженились. В Воронеж приехали уже втроем. Эмме было 23 года, мужу — 34, сыну — десять месяцев.

Мишке Сафонову тоже было 23 года, мне — 25. Эмма стала работать в газете «Коммуна». Мы познакомились с симпатичной ровесницей. Мы и до этого часто появлялись в редакции со стихами. А теперь, отдав листочки в отделе культуры, заходили к Эмме в кабинет — поболтать. Рассказывали анекдоты, смешные истории. Она очень красиво смеялась.

Приятельские отношения с журналисткой приблизили знакомство с ее мужем-дирижером, пугающе образованным музыкантом. В разговорах с нами он был строг, и при этом от него исходила такая энергия, что казалось, он знает в искусстве и литературе что-то такое, чего мы не знаем и никогда знать не будем.

Однажды жена дирижера пригласила нас к себе домой на ужин. Приглашение она передала от имени мужа. Михаил Носырев решил написать оперетту с условным названием «К звездам». Он хотел, чтобы либретто ему написали молодые поэты. В городе, как читатель знает, много было поэтов. Эмма почему-то выбрала меня и Мишку Сафонова. Впоследствии мне стало понятно: выбор не случайный. В 1958 году, в период, когда я начал печатать свои стихи в газете «Молодой коммунар», я ушел с завода и поступил в театр драмы на должность грузчика на машине. А во время гастролей меня включали в группу рабочих сцены. В этом Михаил Носырев, возможно, усмотрел, что я театр люблю и стихи пишу, глядя в небо.

В газете «Молодой коммунар» было опубликовано мое стихотворение:

ПОЗИВНЫЕ «СПУТНИКА»

Летит по небу аппарат.
Он повторяет всем подряд
На каждом повороте,
Что он — в полете!
Он — в полете!
Я закругляю строчку:
Ищите в небе — точку.

Мишка Сафонов тоже попал в театральную-музыкальный проект «К звездам», потому что стихи писал и участвовал в университетском «Театре миниатюр», то есть театр любил и стихи писал.

Дирижер и композитор музыкального театра Михаил Носырев задумал звездный спектакль, ощутив в новых звуках на земле и в небе приближение новой эпохи, даже, может быть, новой эры. Запущенный в космос СПУТНИК летал, пикая, над всеми городами и странами, предвещая новые подвиги людей в небе. То, что в мире происходит великое событие, понимали многие, но мелодии возникали в душе

у тех, кто слышит будущее. Михаил Носырев вдруг сел к роялю и проигрывал нам свое предчувствие.

Замыслил Михаил Носырев свою музыкальную пьесу еще до полета в космос Юрия Гагарина. Бывают такие писатели, художники, музыканты, которые предчувствуют великие события.

Спутник запустили 4 октября 1957 года. До 12 апреля 1961 года оставалось много времени, а мы уже писали музыкальную пьесу о полете человека в небо. За основу взяли все попытки летать высоко и далеко, начиная с Икара. С момента, когда запустили «Спутник», люди стали смотреть в небо с большим интересом и слушали музыку позывных. А для театра это очень важно, театр — нерв общества. Театр не может быть успешным, не затрагивая актуальные темы.

Оригинальность замысла заключалась в том, что действие происходило на протяжении нескольких веков. Мифологический герой Икар так и оставался Икаром. Имена других героев до нашей эры и в наше время оставались одни и те же, менялся только способ полета: от крыльев, скрепленных воском и растаявших на солнце, до крыльев, сшитых из перьев, чтобы прыгнуть с колокольни, а затем до Циолковского, придумавшего ракету. Каждый персонаж шел сквозь века, не меняя свой облик, но меняя крылья и социальные условия жизни: от рабовладельческого строя до социализма с лицом Юрия Гагарина. Действующие лица в общечеловеческом сюжете были всемирными людьми, которые с трагическими потерями стремились в небо и победили.

Мы работали несколько месяцев. Наши встречи в доме на площади, с окнами на Музыкальный театр сделали нас друзьями. Михаил Носырев активно участвовал и в написании пьесы. Его мнение о том или ином тексте было решающим. Он давал нам задание на дом. И когда мы с Мишкой приносили готовые песенные тексты, тут же садился к роялю и проверял наши стихи музыкой. Эмма тоже предлагала свои варианты. Она была третьим молодым поэтом из тех, которые должны были написать либретто.

В минуты отдыха Михаил Носырев брал из шкафа какую-нибудь книгу и что-нибудь зачитывал. Он помнил, что мы молодые поэты и все, что знал, все, что ему дорого было в искусстве и литературе, хотел вложить в нас. Мы признавали его своим наставником в деле, не очень знакомом нам. За столом мы на равных пили водку, но это не отменяло того, что он — господин учитель.

Михаил Носырев был невысокого роста, в движениях очень элегантный. Мне нравилось, как он подходил к шкафу с книгами, доставал толстый зеленый том и вкусно говорил:

— Жан Жак Бруссон. «Анатоль Франс в туфлях и в халате».

И мы слушали, что записал за великим мастером его секретарь.

Годы спустя, во время учебы в Литературном институте, я долго ходил по букинистическим магазинам в Москве, пока не купил эту старую книгу, выпущенную в 1925 году.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Первое впечатление при знакомстве, что музыкант, муж нашей милой, кучерявой сверстницы, знает что-то такое, чего мы не знаем и знать никогда не будем, оказалось верным.

У этого строгого, часто хмурого человека была трагическая судьба. В сентябре 1943 года Михаил Носырев был арестован в блокадном Ленинграде и приговорен Военным трибуналом к расстрелу. Неосторожно рассказал анекдот о Жданове про клубнику. Донесла преподавательница немецкого языка. Во время обыска нашли дневник с записями о трупях во дворе больницы, что усугубило вину.

19-летний студент консерватории ждал смерти в одиночной камере в «Крестах». Казнь неосужденно заменили на 10 лет лагерей с последующими пятью годами поражения в гражданских правах.

В 1941 году Михаил Носырев окончил десятилетку при консерватории имени Римского-Корсакова и был принят без экзаменов на первый курс.

Еще школьником Миша Носырев познакомился с Дмитрием Шостаковичем. Они в одной бригаде выезжали на фронт — выступали перед бойцами Красной Армии. Миша играл на скрипке.

На втором курсе талантливого студента пригласили, без отрыва от учебы, играть в Симфоническом оркестре Ленинградского радио. Сам Карл Элиасберг, главный дирижер оркестра, пригласил.

2 августа 1942 года в осажденном городе произошло событие — прозвучала «Седьмая симфония» Дмитрия Шостаковича, которую слышали во всем мире. Премьера состоялась в Большом зале филармонии. Большим симфоническим оркестром Ленинградского радио дирижировал Карл Элиасберг. Среди первых и вторых скрипок Михаила Носырева не было. Но он мог присутствовать на репетициях столько раз, сколько раз хотел услышать великую музыку. Это дало ему право впоследствии написать в письме к Дмитрию Шостаковичу: «Я, кстати, не пропустил ни одной оркестровой репетиции, когда готовилась к премьере Ваша «Седьмая симфония».

На третьем курсе Михаил Носырев проходил практику в Театре музыкальной комедии. Он — дирижер-стажер. Здесь же его после первого акта «Принцессы цирка» арестовали. Веселая комедия закончилась, началась «оптимистическая» трагедия, когда казнь отменили и талантливый 19-летний студент консерватории поехал через Вологодскую пересыльную тюрьму в мерзлую Воркуту на 10 лет. Там его ждала работа на шахте и лесоповал.

От непосильной работы и жестокого лагерного режима спасла музыка. В популярном городе Воркуте работал музыкально-драматический театр. Заключение Михаил Носырев стал в этом театре снова самим собой. Он был назначен концертмейстером и дирижером.

В 1943 году, во время войны, арестовали — в 1953 году, в мирное время, выпустили. Истекли 10 лет. Но остались 5 лет поражения в правах: лагерь без колючей проволоки. В Ленинград ехать нельзя, в Москву ехать нельзя, в филармонию в городе Сыктывкаре — можно.

Далеко от дома, но снова — дирижер. Вот оно — счастье: взмахнуть руками, стоя спиной к залу, и улететь.

И улетел через пять лет в Воронеж вместе с женой из Сыктывкара...

Наши занятия заканчивались всегда неожиданной тишиной. Михаил Носырев умолкал, уходил в другую комнату — переодеваться. Возвращался во фраке с крыльями, которые отмахивал руками назад, словно собирался улететь и от нас. С этого момента мы тоже замолкали, не задавали вопросов. Михаил Носырев надевал в прихожей плащ. Музыкант шел на работу — дирижировать спектаклем. Заглядывал в комнату, чтобы нам помахать рукой. Плащ не застегивал. Видна была черная бабочка на белой манишке. Эмма успевала положить ему в нагрудный кармашек белый платок уголок вверх.

Захлопывалась дверь. Мы подходили к окну, смотрели, как крылатый человек идет через площадь на работу. Крылья были спрятаны под плащом. Но и у рояля спрятано крыло, пока музыкант его не поднимет и не ударит по клавишам.

Мы, два молодых поэта, оставались с его молодой женой. Считалось: мы продолжаем работу без него. Но без него получалось плохо. Мы любезничали с красивой женщиной. Она заваривала чай. Мы долго пили этот чай, отодвинув на середину стола рукопись.

Поздно вечером Михаил Носырев возвращался после спектакля усталый. Мы садились ужинать. За ужином начиналась прерванная работа над нашими текстами. Михаил Носырев зачитывал вслух стихи Сафонова и мои, присаживался к роялю, озвучивал их. И вдруг начинал играть что-то, импровизируя, взяв какую-то тему из сюжета «К звездам», забыв в этот момент о нашем присутствии. Мы были на земле, он — в космосе.

Первый вариант либретто был готов. Мы его некоторое время редактировали с перерывом на застолье. Михаил Носырев проигрывал готовую музыку, ставя ноты на пюпитр, но почти в них не заглядывая. Мы слушали с удивлением и восторгом.

Музыкальная пьеса «К звездам» не была поставлена в театре. Два молодых поэта и молодая журналистка, очевидно, не справились с сюжетом художественного объединения всех веков, языков и народов в достижении общечеловеческой цели. Мы не смогли воплотить гениальный замысел музыканта в четкие драматургические формы так, чтобы это могло увлечь зрителя, разбудить его воображение.

Осталось ощущение счастья от совместной работы и огорчение, что замысел, над которым мы с таким восторгом работали, не удалось реализовать на сцене. Мы разошлись по домам, перестали встречаться. И как часто бывает в жизни, разъехались по разным городам и странам. Я вот уже многие годы живу в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Но почти каждый год приезжаю в Воронеж. В один из приездов встретился с Эммой Носыревой. Она была в это время уже несколько лет вдовой. Познакомила меня с сыном, которого я видел маленьким. Имя у него было такое же, как у отца — Михаил. Эмма называла его:

— Мишка-маленький.

За прошедшие годы Мишка-маленький вырос, стал большим бизнесменом. Мы троим съездили на кладбище. Эмма водой и щеткой помыла плиту на могиле мужа, чтобы буквы имени и фамилии хорошо были видны. Помыла также плиту на могиле Светланы Власовой — подруги, также известной воронежской журналистки.

В эти дни как раз готовились отметить годовщину смерти Михаила Носырева в Союзе композиторов. Я задержался на несколько дней в Воронеже, чтобы побывать на этом вечере. Пришли близкие люди, которые знали не только музыканта Михаила Носырева, но и человека строгого, но доброго и внимательного.

Ноты к музыкальной пьесе «К звездам» сохранились. На вечере исполнили отрывки из этого нереализованного произведения.

За столом в ресторане я спросил у Эммы:

— А где сейчас Мишка Сафонов? Ты его давно видела?

— В Стокгольме он вроде бы, — ответила она. — Издает там книги, стал чуть ли не классиком шведской литературы.

— ? — изумился я.

Потом, несколько лет спустя, в Америку мне пришло письмо из Воронежа от Дмитрия Дьякова.

«Стати, у меня один вопрос к вам, — писал он. — В конце 1950-х — начале 1960-х был в Воронеже такой студент ВГУ, а потом сотрудник «Молодого коммунара» Михаил Сафонов. Он писал стихи. В «Коммунаре» за 1959 год я даже обнаружил его стихи на одной полосе с вашими. Помните ли вы такого человека? И если — да, то что можете о нем сказать?»

Я понял, что начались поиски потерянного во времени и пространстве воронежского поэта — моего приятеля и соавтора, ставшего чуть ли не классиком шведской литературы.

Я отыскал в своем архиве майский номер «Молодого коммунара». При этой

газете работало литературное объединение, которым руководила Елена Бердник. Здесь встречались все молодые поэты города: и те, что входили в группу «Рабочие поэты», и те, что учились в университете. Мы читали, обсуждали стихи и с удовольствием выполняли редакционные задания, причаясь к газетной работе. В первом номере 1959 года редакция должна была отметить передовиков производства на селе и в городе.

Редакционный художник Юрий Рачинский нарисовал портреты рабочих и колхозников, а Мишке Сафонову и мне поручили написать под этими портретами стихотворные здравицы. Я подбирал рифмы к фамилиям птичниц и доярок; Мишка Сафонов зарифмовывал фамилии рабочих. Так мы стали с ним соавторами, но по-прежнему между нами мало было общего — друзьями мы не стали.

ОТ БАКУ ДО СТОКГОЛЬМА

Михаил Сафонов понимал, что как поэт не успел громко заявить о себе в России. А живя в Таллинне, в Швеции, издал 7 книг и одну в Москве. На Родине его не читали и, более того, потеряли среди других эмигрантов в большом мире. Стихов он написал много: тревожных, нежных — про русское поле, про Пушкина. Писал везде, где жил и работал: на Кавказе, в Ленинграде, в Эстонии, в Швеции. Писал всегда, даже когда бумага под рукой не было. Поэт пишет, когда душа болит. И эта боль может застигнуть в поле, в море, в библиотеке, где он переводил на русский язык шведских классиков.

Когда-то Сергей Есенин написал для издания своего однотомника короткую биографию, которую закончил словами: «Что касается остальных биографических сведений, они в моих стихах».

Михаил Сафонов написал еще короче: «Вся жизнь моя — рифмованный дневник»...

Вся жизнь моя — рифмованный дневник.
Кривые, неразборчивые строчки,
Прерывистые, беглые цепочки...
Мой враг, мой крест, мой камень, мой двойник.
Когда душа лишится оболочки,
Она над всеми i поставит точки
И соберет обрывки в чистовик,
И унесет неведомо куда.
Неведомо кому его покажет.
Неведомый прочтет и что-то скажет.
Но что... Я не узнаю никогда.

Московскую книгу «Между белым и черным днем» (2006 г.) Михаил Сафонов передал с оказией в Воронеж друзьям молодости. Меня среди них не оказалось, мы были всего лишь соавторами.

Прочитал книжку не кто-то неведомый, а друг и сокурсник, партнер по «Театру миниатюр» Лев Кройчик. Он написал с дружеским чувством рецензию и опубликовал в газете «Воронежский курьер». Главным редактором газеты был еще один бывший студент Воронежского университета — Дмитрий Дьяков. Но что о нем сказал воронежским читателям друг и сокурсник, Михаил Сафонов не узнал, как и предсказывал в своем пророческом стихотворении.

За весь этот период, пока он делал свою биографию, он прислал мне только одно письмо. Это было в 1970 году. Я работал в редакции журнала «Подъём, заведовал отделом поэзии и публицистики. В письме были стихи:

БАЛЛАДА О ПРОБИТОЙ КАСКЕ

Это было когда-то
И в каком-то часу.
Молодого солдата
Схоронили в лесу.

Сберегая патроны,
Без прощального залпа.
По славянским законам —
Головою на запад.

Чтобы парень курносый
Девятнадцати лет
Видел светлые весны,
Видел синий рассвет,

Отступала пехота:
На Восток, на Восток.
На могиле комроты
Чуть пригладил песок.

И поправив повязку
С запекшейся кровью,
Он пробитую каску
Положил в изголовье.

Под свинцовой метелью
Умирили солдаты.
Дни с Востока летели
В полыхающий Запад.

А за ними — в Европу
Шагали полки —
Мимо старых окопов,
Мимо свежих могил.

И они, как указки,
Полк вели до побед.
И пробитая каска
Им глядела вслед.

Не отступят живые
Ни шагу назад,
Если в спину такие
Провожают глаза.

Почерневшей весной
Бои отгремели.
Долгожданной листвою
Зеленеют шинели.

И усталую спину
Земля распрямляет.
И немые могилы
Трава заплетает.

Но пробоины рваной
Настороженный взгляд
Строго смотрит на Запад,
Где пылает закат.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ
НА ЮБКЕ У НАТАШКИ

Гуси-лебеди —
Вольные птицы,
На роду вам
Пути далекие,
Как решили вы опуститься
На Наташкину юбку широкою.
Гуси-лебеди
Машут крыльями.
Гуси-лебеди
В небо просятся.
А над ними,
Вольные, сильные,
Их друзья в теплый край уносятся.
У Наташки в глазах лукавинка,
Заласкала Наташка их песнями.
— Гуси-лебеди,
Мои маленькие,
Птахи милые,
Поднебесные,
Позабудьте,
Что рода вы птичьего.
Путь бескрайний теперь вам заказан.
На широкой юбке девичьей
Вышивали вас по заказу.
И смиряются птицы нелетные,
Замирают под сладким голосом.
У Наташки крыльями легкими
За плечами трепещут волосы.
И сама она лебедь белая.
И сама она в небо просится.
А над нею, вольные, смелые,
Гуси-лебеди вдаль уносятся.

Журнал «Подъём» № 3 за 1970 год.

Я тут же подготовил стихи в номер. Сообщил об этом моему соавтору, с которым искали пути «К звездам». Но ответа не получил.

«Подъём» вышел со стихами Михаила Сафонова. Это была первая серьезная публикация в толстом журнале. Всего два стихотворения. А потом у Михаила Сафонова вышло много книг. Живя в Эстонии, в издательстве «Ээсти раамат» он напечатал семь книг. Продолжал издаваться в Эстонии, даже когда жил уже в Швеции.

Жизнь в университетском городе Стокгольме нравилась Михаилу Сафонову. Она приобрела черты размеренной, хорошо знакомой по Воронежскому университету: семинары, лекции, работа в библиотеке.

Сафонов перевел на русский язык томик стихов Нильса Форлана, классика шведской литературы, отчего, возможно, и возник слух: мол, «стал чуть ли не классиком шведской литературы». Это «чуть» означало: не сам классик — перевел классика. Тоже немало.

Жизнь наладилась, но пора уже было думать о пенсии. В год, когда он перевел Нильса Форлана — Михаилу Сафонову исполнилось шестьдесят лет. Оставалось еще немного времени, чтобы перевести на русский язык кого-нибудь еще из шведской классики. Здесь, в университетской библиотеке, можно было спокойно встретить старость за работой, не заботясь о хлебе и ночлеге. Конец дороги.

Беспокойный энергичный человек ощутил, что наступило время мудрого покоя. Это отчетливо видно в стихах, написанных в Швеции:

Березы набирают желтизну,
Молчат холмы, поросшие сосною.
И птицы улетают в высоту
Не ради хлеба — в поисках покоя.
Ромашку на лугах клонит ко сну,
Камыш озерный выгнулся дугою.
И рыбы уплывают в глубину
Не ради хлеба — в поисках покоя.

Русский поэт, живущий в Швеции, хотел покоя. Но в размышлениях о прошлом и будущем покоя не было. В минуты откровения с самим собой он «о чем-то плакал и молчал».

Я взял эти слова в кавычки. Они нам еще встретятся в стихах Михаила Сафонова...

АЛЬМАНАХ «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ»

Все чаще поэт и переводчик вспоминал, откуда он родом. Все чаще в его творчестве появлялись стихи с грустными названиями:

«Ночь в чужом городе», «Что я делаю в этой стране?», «Стал недолгим долгий путь», «Где ты бродишь, душа, в дни и ночи?»

А наша жизнь без всяких шуток,
Без всяких скидок на потом
До жути жалкий промежуток
Между звездой и крестом.

Не нашу ли совместную работу над музыкальной пьесой под названием «К звездам» вспоминал он, когда писал эти стихи о вечном покое. Михаил Сафонов видел длинную черточку на памятнике между звездой — и — крестом. И — все!

И — все! И подводить итоги,
Гасить последнюю звезду.
Я заплету конец дороги
В седую гриву январю
Пускай умчит, завьет, закружит...
Но хлынет запредельный свет.
И кто-то дальний обнаружит
В своих снегах мой слабый след.
Он, любопытствуя, развяжет
Узлы концовок и начал
И тихим голосом расскажет,
О чем я плакал и молчал.

«Где ты бродишь, душа, в дни и ночи?» — спрашивал он у самого себя. Душа бродила в России. Михаил Сафонов верил в свою посмертную судьбу: будут читать и биографию напишут.

Слабый след, замеченный снегом в Воронеже, отыскал Дмитрий Дьяков — издатель и главный редактор литературно-исторического альманаха «Ямская слобода».

— В год 100-летия Воронежского университета, — рассказывает он, — я попытался разыскать Михаила Александровича Сафонова по его шведскому адресу. Моя знакомая — шведская переводчица современной русской прозы Кайса Линдсен —

взялась помочь в этом деле. Обнаружить удалось лишь некролог в газете «Dagens Nyheter».

В нем сообщалось, что русский поэт и переводчик Михаил Сафонов, рожденный 8 марта 1935 года, обрел земной покой 2 июня 2016 года. Тело было кремировано, и три недели спустя прах захоронили в колумбарии кладбища стокгольмской окраины Накы.

Об этом читателям газеты сообщили родственники покойного — вдова Ольга и дети Александр и Яна.

Дмитрий Дьяков подготовил и напечатал биографическую статью «Без берегов» и стихи в альманахе ВГУ «Университетская площадь».

Русский поэт и переводчик вернулся в Воронеж на страницы студенческого альманаха. «Без берегов» — очень точное название завершившейся биографии. Для Михаила Сафонова не было никаких берегов: ни в творчестве, ни в путешествиях по жизни. Захотел поехать в чужую страну, сел на поезд и поехал в Эстонию — не туристом, жить. И граница между Швецией и Эстонией его не остановила. Устроился на паром и оказался в столице другого государства.

Ежи Лец, знаменитый парадоксальными афоризмами, сказал:

— Любовь к Родине не знает чужих границ.

И это про Михаила Сафонова. Он жил в Швеции, а писал о русском поле.

ПОЛЕ-ПОЛЮШКО

Пятый год поля не паханы...

Пропадай, земля, в жиру.

Загуляли наши пахари

На неслыханном пиру.

Там не вина — алу кровушку

Льет зари каленый нож.

Пей досыта, поле-полюшко.

Пей да помни, что ты пьешь.

Оттого тебя не холят

И не ходят за тобой,

Что за землю да за волю

Встали пахари на бой...

Умер Михаил Сафонов как эмигрант в чужой стране, без надежды на память. Он написал стихи, в которых попытался представить, что будет потом:

Что я делаю в этой стране,

Где сосна сосны сторонится

И где каждая чайка ютится

На своем родовом валуне?

Родовые свои за спиной

Я оставил. Как шалая птица,

Умудрился в краю приземлиться,

Где дарует извечный покой.

Что я делаю в этом краю?

Век, отпущенный мне, доживаю,

Да судьбу, словно книжку, листаю.

Одиночества корку жую.

Жду, что вдруг посчастливится мне

Где-нибудь на тропинке неторной

Отыщу я свой камушек скорбный

В этой камнеобильной стране.

Не угадал свою посмертную судьбу поэт и переводчик, живший в чужой стране. У каждой чайки здесь свой родовой валун. А ему, русскому поэту, и камушка

не досталось. Похоронили на окраине Стокгольма в колумбарии Наки. Михаил Сафонов мог бы написать, если бы на мгновение воскрес:

— А мне — только урна в стене...

ПРОФЕССОР Н.Н. ТИМОФЕЕВ

Известно, что писатель, о ком бы он ни писал, пишет о себе, даже когда это очерк об оленях в лесу.

В данном случае я впрямую должен сказать несколько слов о себе, чтобы было понятно, почему пишу о Николае Николаевиче.

Мы с Тимофеевым — коллеги. Он уже 33 года работает завлитом в Воронежском театре драмы имени Алексея Кольцова.

Я проработал 10 лет в Тольятти — в театре «Колесо». Там на мемориальной доске — профиль Народного артиста Глеба Дроздова. Это имя присвоили театру после смерти художественного руководителя, который начинал в Воронеже, продолжил в Ярославле, а умер в Тольятти.

В автомобильном городе Тольятти Глеб Дроздов объявил свой третий набор в театральную студию. Он всегда сам готовил для себя актеров.

Меня мой друг и мой художественный руководитель неожиданно пригласил в студию в качестве литературного педагога.

— Литературный педагог? — удивился я. — Что это такое?

— Ты — писатель, драматург. Прочтешь им лекции о русском языке, на котором пишешь и который не перестаешь изучать.

Он знал, что я покупаю книги о языке, коллекционирую старинные обороты речи. В 1966 году в журнале «Подъём» № 1 я выступил со статьей «Движение русского языка». Потом, уже в Тольятти, начал писать книгу «Жизнь языка или язык жизни». Несколько глав из этой книги опубликовал, уже находясь в Америке. А тогда эта рукопись просто лежала стопкой листов на столе в моем театральном кабинете.

Я прочитал 20 лекций студентам Дроздова, пересказывая главы книги, и почувствовал, как это трудно — читать лекции, чтобы тебя слушали и чтобы студентам был интересен предмет, о котором ты говоришь со многими подробностями.

Я читал лекции небольшой группе студентов, собирал их в своем кабинете и одновременно поил чаем.

Николая Тимофеева пригласили читать лекции в университет. Завлит театра на кафедре ВГУ — это культурно-исторический случай. Впрочем, если подумать, театр и сам по себе является кафедрой воспитания чувств. И чтобы посещать эти драматические «лекции», не надо поступать в театральную академию, достаточно купить билет.

В разные эпохи и в разных странах бывали случаи, когда театры воспитывали чувства ненависти к другим народам. Так было в Германии с приходом к власти Гитлера. Членов национал-социалистической партии обязывали ходить в театр, им раздавали билеты. Немцев, которые отказывались посещать театры, называли «дезертирами театра».

Курс, который ведет Н.Н. Тимофеев на филологическом факультете с 2004 года, называется «История и теория мирового театра», в том числе, конечно, и немецкого. Основой для лекций, для профессионального понимания сценического искусства является Воронежский театр, где он служит.

От кафедры театра до кафедры университета недалеко. Н. Тимофеев проходит это расстояние за пять минут по широкому проспекту Революции. Я тоже однажды осмелился прийти в университет — в библиотеку. Принес и подарил свою кни-

гу о Воронежском театре «История поражений и побед режиссера Глеба Дроздова». В Воронеже ставились мои пьесы, я хорошо знаю настроение этого театра. Вместе с Н. Тимофеевым ознакомился с архивными документами, изучал историю воронежского храма искусств.

С 1787 года — это театр радости: и по Аристотелю (катарсис), и по отношению к людям всех веков и народов. Создание в университете «Кафедры гуманитарных наук и искусств», приглашение на кафедру высшего учебного заведения представителя кафедры воспитания чувств — знаковое событие нашего времени, прямо по Пушкину: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал».

И с выбором лектора (хочется написать — профессора) не ошиблись. Н. Тимофеев не только читает лекции, он постоянно проводит научные изыскания по истории театра, в котором работает. Так, в 2018 году в результате поисков в государственных архивах Российской Федерации и в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге Н. Тимофеев документально доказал необходимость датировать основание Воронежского театра драмы не 1802-м годом, как это было принято целое столетие до этого, а 1787-м годом. Тем самым вернул театру и городу Воронежу утерянные 15 лет. Владимир Межевитин в своей статье в журнале «Страстной бульвар, 10» написал о Н. Тимофееве: «Завлит по призванию».

В западных театрах нет должности завлита, есть должность драматурга. Писатель, работающий в театре литературным помощником главного режиссера, должен уметь написать пьесу, когда она срочно необходима театру, когда нужно откликнуться на актуальное событие.

Генрих Гейне в свое время сказал:

— Если мир дал трещину, она пройдет через сердце поэта.

Это применимо и к сценическому произведению. Театр живет событиями своего времени. Если театр хороший, он — эхо того, что происходит в мире и в собственной стране.

Во время горбачевской перестройки возникли проблемы в советской армии, которую срочно пришлось выводить из Германии. Проблемы стали множиться так быстро, что стали заметны и понятны гражданскому населению. Нужна была пьеса об армии. Готовой не было. Главный режиссер Воронежского театра драмы А. Иванов и его литературный помощник Н. Тимофеев прочли актуальную повесть В. Войновича «Путем взаимной переписки». «Завлит по призванию» поступил как драматург западного театра. Он создал по повести пьесу «Любовь по переписке». Спектакль получился замечательный. Говорю не с чужих слов, сам видел. С этим спектаклем театр пригласили в Москву. После гастролей несколько раз транслировали на всю страну постановку Воронежского театра по радио «Россия». Удачно созданную пьесу по повести В. Войновича поставили потом еще в двух городах: в Хабаровске и Ставрополе.

Н. Тимофеев — театральным писателем, регулярно выпускает книги о театре. А недавно у него вышла еще одна книга — о Пушкине.

За кафедрой Воронежского университета — Николай Николаевич Тимофеев, профессор без профессорского звания, историк русского психологического театра, который все, что говорит студентам, проверяет Пушкиным.

СТУДЕНТ ВАЛЕРИЙ МАРТЫНОВ

Валерий Мартынов был пластичен, как балерина. Движения рук, ног, вибрация голоса — все рассчитано.

Про него известно: ежедневно репетирует чтение стихов перед зеркалом. Тренирует голос, стараясь добиться уверенной громкости, как у Маяковского.

Учился на геологическом факультете. Ездил в экспедиции, привозил повести, рассказы. Потом осел в городе. Искал работу, чтобы днем можно было ходить на службу, а вечером писать. Изредка издавал книги не очень большого объема. Гонораров на жизнь не хватало: семья, сын родился. Записал детские разговоры сына, получилась повесть «Вам привет от Песталоцци». Напечатал ее в журнале «Подъём». Публикация получилась интересная. После исследования детских разговоров К. Чуковского «От 2 до 5» такого рода литература пользовалась большим успехом у пап и мам.

Мне Валерий Мартынов запомнился гордой походкой — грудь вперед, плечи широко разведены, жесты резкие, голос громкий. Он читал мне на улице Карла Маркса стихи, жестикулируя, не стараясь умерить голос. Прохожие проходили мимо и оглядывались на гордо шагающего парня.

В 1981 году меня выбрали председателем правления Воронежской писательской организации. На одном из первых заседаний я предложил послать Валерия Мартынова в Москву на Высшие курсы литераторов — ВЛК. Там каждому курсанту выделяли отдельную комнату в общежитии Литературного института, платили хорошую зарплату, помогали издать книги в московских издательствах. Члены правления Воронежской писательской организации меня поддержали. И Валерий уехал в Москву.

Пока он там учился, у меня возникли проблемы. Умер писатель Николай Коноплин. Несколько писателей, и я в том числе, хотели передать его квартиру-кабинет рожденной вне брака дочери Ирине Слюсаревой. Она была готова заняться архивом отца, писала литературоведческие статьи. Их публиковали газеты и журнал «Подъём». Но члены правления меня не поддержали, проголосовали против. Несколько дней я переживал и отчетливо понял: я не хочу руководить таким правлением. На очередном заседании в присутствии зав. отделом культуры обкома партии я заявил, что слагаю с себя полномочия.

Пока шли консультации с Союзом писателей РСФСР, я не ходил на работу, сидел дома.

Позвонил Валерий Мартынов:

— Эдик, я уезжаю, кончились каникулы. На службе тебя нет, я решил позвонить домой, попрощаться... И, Эдик, я хочу тебе сказать открытым текстом, что-бы ты знал. Времени у нас немного. Оставался бы ты княжить.

— Нет, это невозможно.

— Жаль, опять мы осиротеем.

— Ты не торопись, Валера, времени у нас много. Начальники всякие уходят и приходят, а мы остаемся.

— Да, мы с тобой об этом говорили. Я просто хочу, чтобы ты знал. Я тебе очень благодарен. Это же был твоя идея послать меня на Высшие литературные курсы?

— Да.

— Я тебе благодарен. И хочу заверить, что в этом году у тебя со мной проблем не будет.

— Проблем не будет у другого председателя, — сказал я.

Я хотел быть хорошим председателем. И мне нравилось, как сказал Валера, «княжить». И зарплата была нужна. Но я не мог примириться с тем, что писатели не хотят передать квартиру отца дочери.

Кстати, квартиру-кабинет не получил и писатель, который на нее претендовал, потому что был первым в очереди — Леонид Коробков. Обком распорядился квартирой сразу, как только умер Николай Коноплин. И когда мы голосовали, в квартире жил уже какой-то товарищ.

А времени у Валерия Мартынова, действительно, было немного. Он болел туберкулезом и умер молодым — в 56 лет.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА — БРОНЗОВЫЕ ЛЮДИ

У каждого городского жителя есть город, в котором ему удобно, как в собственном доме. Есть главная улица, где все знакомо и любимо. В таком городе, на такой улице тротуары моют с мылом. Я сам это видел в Киеве на горбатой улочке по дороге в гостиницу, в которой когда-то останавливался Ярослав Гашек, автор бесмертного бравого солдата Швейка. Одну ночь переночевал чешский писатель и стал визитной карточкой отеля. Женщина вышла с дымящимся ведром и шваброй. Я стоял и некоторой время смотрел, как она мыла горячей, мыльной водой асфальт. Потом мне довелось видеть, как моют горячей водой тротуары в Рино, маленьком американском городе, состоящем из отелей и казино. Улицы здесь были продолжением игровых залов.

Мой город, как уже понял читатель — Воронеж. Главная улица — проспект Революции.

Книга эта о литературной молодости моего поколения. Я вспоминаю писателей, с которыми был знаком. Но самое время вспомнить о писателях, которые стали памятниками.

Я жил в Березовой роще. Ежедневный путь, чтобы попасть на работу в журнал «Подъём», пролегал по проспекту Революции. На почту надо — идешь мимо статуи Петра I, в библиотеку — мимо памятника Никитину.

Идешь и скользишь привычным взглядом по бронзе и граниту. Только когда голубь сядет на протянутую руку Петра и оживит статую, остановишься и помотришь внимательно. Или назначишь встречу около памятника Никитину и стоишь, ждешь. А сам смотришь на статую горюющего человека... Сидит поэт на высоком пьедестале, руки на колени положил, голову опустил. Грустные стихи сочиняет...

Вырыта заступом яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая.

Или, может быть, другое, написанное за год до отмены крепостного права...

Бедная молодость, дни невеселые.
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Рад бы забыть вас, да что ж мне останется,
Чем моя жизнь при бездолье помянется?

Памятники покрываются пылью, когда мы про них забываем. И Никитин, и Петр I ждут общения с нами. Старый воронежец Михаил Демиденко в своей книге «Приключения Альберта Козлова» вспоминает, как пошучивали остряки довоенного времени над Никитиным. Они говорили: «Поругался с женой... Вот и решает — то ли пойти выпить, то ли домой идти прощения просить».

Они награждали его своими мыслями и чувствами, стаскивали с пьедестала дружеской рукой в свой быт, в свои разговоры.

Были и другие шутки. Как-то встретил у памятника Никитину своего приятеля, последовал традиционный вопрос:

— Ну, как дела? Чем занимаешься?

— Ищу работу, — ответил я.

— Никитин уходит в отпуск. Не посидишь? — и засмеялся, довольный своей шуткой.

Наверное, каждый воронежец имеет в запасе шутку, связанную с памятником Никитину, так же, как одессит всегда найдет возможность сострить по поводу своего Дюка Ришелье.

Но шутки хороши в мирное время. Наступил трудный для Воронежа 1942 год. Немецкие танки, лязгая гусеницами, ломая асфальт и высекая искры из булыжников, прогрохотали по проспекту Революции. Наши войска отошли на противоположный берег реки и там закрепились. В арьергарде на пути захватчиков остался перед Чернавским мостом всего один военный человек — Петр I. Он стоял во весь рост в ботфортах и при шпаге: одной рукой опирался на якорь, другую простирал вперед. И можно было только пожалеть, что нет в этой руке гранаты.

Мимо памятнику Никитину грохотали танки. Поэт сидел все в той же позе, но теперь казалось, что он опустил голову, чтобы не видеть нашествия фашистов.

Комендант гарнизона, часом позже промчавшийся на легковой машине, поразному отнесся к этим двум памятникам. Гордая фигура русского царя вызвала раздражение.

Статую Петра I привязали тросами к танку, сдернули с пьедестала и отправили на переплавку. А вокруг памятника Никитину вскоре появились первые березовые кресты. За очень короткое время в ограде сквера стало тесно от них. Кресты подступали к самому пьедесталу из серого мрамора... Я видел фотографию Кольцовского сквера тех лет. Грустящий Никитин в окружении фашистских крестов показался мне чужим, будто оплакивающим погибших оккупантов. Комендант гарнизона, наверное, думал, что ему удалось навсегда скомпрометировать русского поэта Ивана Саввича Никитина, вынужденного сидеть в скорбной позе на немецком кладбище.

Но наши войска освободили город и Никитина от принудительной обязанности оплакивать врагов. Памятник Никитину перенесли с бывшего немецкого кладбища оккупантов на новое место в районе пересечения проспекта Революции и улицы Карла Маркса. Трупы фашистов выкопали и захоронили на окраине города. Кресты сожгли, могилы разровняли. И снова на этом месте разбили дорожки и клумбы, посадили цветы. Поэт вернулся к своему народу, он сидит, как раньше, на высоком пьедестале и перекликается с памятником Петру I.

И с гордостью я вспоминаю тайной
Ум творческий великого царя.
Любуюсь на город колоссальный —
Прекрасное создание Петра.

Это о Петербурге, но подходит и для Воронежа, где царь снаряжал корабли. Основатель Российского флота снова занял свой исторический пост на треснувшем пьедестале из красного гранита. Трещина от поваленной статуи сохранилась до сих пор. Каждый может подойти и пощупать пьедестал в том месте, где бомбардир упирался ботфортами. Это не тот памятник, что был до войны. Тот фашисты успели увезти и переплавить. Но памятники, как и рукописи, не горят и не плавятся. Новая статуя Петра I не просто копия прежней. Это закалившаяся в огне войны звонкая бронза Победы над фашизмом. И еще одно доказательство тщетности усилий обезобразить мир и лишить его истории.

Они и в нашего Пушкина стреляли, когда захватили город Пушкин. Небольшая бронзовая статуя работы Ф. Беренштама, установленная у въезда, послужила мишенью не одному «сверхчеловеку». Вслед за Дантесом, смертельно ранившим поэта в живот, рыцари черной свастики послали свои пули в бронзовую голову статуи. Пять пулевых отверстий во лбу свидетельствуют, что Пушкин был убит еще пять раз.

Был убит, но остался жив, потому что люди, отлитые из бронзы, не умирают. Для невежества даже Аполлон со своей сладкозвучной кифарой представ-

лял на нашей земле опасность. В Петергофе, в любимом дворце Петра Монпле-зире, фашисты расстреляли плафон центрального зала, для чего им пришлось автоматы задрать высоко над головой. Одна пуля ранила древнегреческого бога в голову, другая попала в плечо, третья — в живот, четвертая — в грудь. Во время реставрации пулевые отверстия замазали, а жаль. Расстрелянный Аполлон мог стать хорошей иллюстрацией того, во что превращается нормальный человек, надышавшийся дымом книжных костров. Особенно интересно было бы посмотреть на эти дырочки туристам из тех стран из Европы, солдаты которых приходили на нашу землю вместе с немцами, чтобы убивать и грабить.

В последние годы появились новые памятники и стоят, как будто стояли здесь всегда.

НОВЫЙ ЖИТЕЛЬ ГОРОДА

Я больше двадцати лет живу в Америке. Бываю в Воронеже наездами. Привез том своих театральных мемуаров, чтобы подарить университетской библиотеке. В свое время я ходил сюда на заседания Воронежского клуба библиофилов. Брал в университетской библиотеке «Самоучитель итальянского языка» перед поездкой в Италию. Иду по знакомой аллее к центральному входу, а навстречу мне из аллеи делает шаг бронзовый Андрей Платонов. Скульпторы И. Дикун и Э. Пак изваяли его шагающим: руки в карманах пальто, полы которого вздыблены ветром, на шее — кашне, холодно.

Бронзовый гений шагает, а я остаиваюсь. Мне надо познакомиться с новым жителем города, разглядеть его как следует.

Книги А. Платонова я прочитал, когда учился в Литературном институте. Говорили, что автор «Котлована» жил во флигеле и выходил во дворик Литературного института подметать и чистить снег, то есть работал дворником.

Поэт Владимир Корнилов, глядя в окно из аудитории, даже написал стихи об этом:

...Когда бы знать, что он лишен
Других доходов,
Что от журналов отлучен
Отцом народов
С того и проза тех времен
Вдруг стала тусклой.
Зато просторный двор метен
Литинститутский...

Некоторые опровергают миф, что писатель работал дворником. Некоторые подтверждают. Но то, что он жил в усадьбе Герцена и студенты встречали его, это — точно.

На мемориальной доске — на стене Литературного института Андрей Платонов изображен без метлы.

Но миф этот о дворнике, который должен был мести дорожки и чистить снег, чтобы писать свои замечательные книги, помогал нам, приехавшим со всего Советского Союза в литературный «лицей» осознать, что нищета и величие — рядом.

Мы учились в доме, где жил великий писатель А. Платонов, а еще раньше тут проживал Герцен, который вынужден был уехать в Лондон, чтобы писать свои книги. А на Тверском бульваре, рядом с нашим «лицеем», стоял памятник А.С. Пушкину.

Мы съехались в Москву
Со всей России
И к памятнику Пушкину
Пришли.

Стоял он молча
На Тверском бульваре
С рукой прижатой
К бронзовой груди.

А рядом домик Герцена
(Старинный), с оградой
И садом — наш Лицей.

Вот адрес: на Твербуле,
У пампуши. Так говорили.
Так писали мы.

И мы к пампуше
Часто приходили.
Читали со ступенек пьедестала
Друг другу и проходим на Твербуле
Написанные только что стихи.

Мы скромностью большой
Не отличались.
Но, стоя рядом
С золотою бронзой, —
Для всей России, звонкой, колокольной,
Стеснялись говорить,
Что мы — поэты.

Московская «Вечерка» нас узнала
И на своем широком развороте
Подборку поместила тех стихов,
Сказав в редакционном заголовке,
Что мы — поэты.

А после были выступленья в клубах
С афишами, в которых говорилось,
Что мы — поэты.
И мы домой афиши приносили,
Скатав их в трубки длинные такие.
И весело сквозь них на мир смотрели,
Как будто бы в подозрную трубу.

Как лицеисты, мы в большой Москве
Имели каждый комнату с прихожей,
Где прикрепляли кнопками афиши,
Чтоб не забыть
И, может быть, поверить,
Что мы — поэты.

По вечерам, по-дружески встречаясь,
Кололи Плавтом
Грецкие орехи.
И спорили о модном Евтушенко,
Который был давно уже не модным,
А — знаменитым.

И были с нами, кто ошибся дверью.
Они об этом быстро узнавали.
Шли в магазин и покупали водку.
И приглашали тех,
кого отметил Бог —
Справлять поминки.

Мы жили так.
Но те, что оставались,
Со стен снимали старые афиши,
Те самые, в которых говорилось,
Что мы — поэты.

И появлялись новые афиши,
Которые печатались
В три краски.
Огромные, красивые афиши,
Где были снова
Наши имена.

*30 октября 2019 г.
Сан-Франциско*

АКАДЕМИК С ЗОЛОТЫМ ПЕРОМ

Я родился в городе Воронеже на правом берегу реки и большую часть жизни прожил на Чижовских буграх и в Березовой роще. И вот уже более 20 лет живу на берегу Тихого океана в городе Сан-Франциско.

У Ивана Бунина есть знаменитый рассказ «Господин из Сан-Франциско». Это теперь и про меня. Формально, по месту проживания, я — господин из американского города. У меня и справка есть, написанная в стихах известным литературоведом и библиофилом, профессором Олегом Ласунским. Он подарил мне книгу «Литературная прогулка по Воронежу» с посвящением на титульном листе:

Э.И. ПАШНЕВУ

Живет от нас совсем неблизко
Сей господин из Сан-Франциско.
Но почему же он так рад
Наведаться в Воронежград...

Посвящение большое и довольно для меня приятное. Хотел процитировать целиком, но обрываю: речь не обо мне.

О творчестве Ивана Бунина я узнал поздно, в 25 лет, когда вернулся с Дальнего Востока после службы в армии. Оказавшись на гражданке, немедленно влюбился в женщину, которая была старше меня на 12 лет, зато она была образованна, окончила МГУ и теперь работала в газете «Молодой коммунар». У этой женщины был синенький четырехтомник Бунина, о творчестве которого я не знал ничего. После нескольких свиданий в парке и затем в квартире, она положила передо мной первый том и сказала:

— Это надо читать.

Бунина какое-то время не издавали. Все-таки писатель-эмигрант да еще лауреат Нобелевской премии. А тут, после смерти Сталина, наступила литературно-художественная оттепель. Бунина стали широко издавать. Я читал его том за томом и не сразу осознал, что этот знаменитый писатель не из Парижа, что этот писатель из Воронежа. Я не знал, что почти каждый день, добираясь из Березовой рощи до центра города, хожу или езжу мимо неприметного дома, где родился Иван

Александревич Бунин. Позднее я даже побывал в этом доме, когда в нем разместили редакцию журнала «Подъём».

Прошло много лет. Я часто возвращаюсь к Бунину. Читаю рассказы, которые уже читал, особенно люблю перечитывать цикл рассказов «Темные аллеи». И получаю такое же впечатление, как и в первый раз.

Собрание сочинений Бунина я в Сан-Франциско не привез. Но без Бунина на своей книжной полке прожил всего несколько дней. Пошел за продуктами в русский магазин, а там между прилавками с красной икрой, колбасами, мочеными яблоками, квашеной капустой и так далее, и так далее — стеллажи с книгами на русском языке. Новинки литературы прямо из Москвы. Я задержался у этих стеллажей и приобрел два тома рассказов Бунина, выпущенным московским издательством «Фолио»: «Митина любовь» и «Темные аллеи». Когда приехал, зашел в свой новый кабинет, положил оба тома на письменный стол и сразу почувствовал себя дома. Все эти рассказы я читал, но иногда знакомые книги нужны не для чтения, а для настроения.

Наверное, каждому приходилось глядеть на чистую, незамутненную ничем, воду океана, моря, реки с какого-нибудь возвышения — с моста, с корабля, с мола или даже с лодки, когда, несмотря на большую глубину, все видно до самого дна. И хочется смотреть, и даже тянет туда — в эту глубину. Таков чистый, до хрустальной прозрачности, стиль Академика золотого пера, Ивана Бунина. Это необычное звание придумал для гениального писателя Валентин Катаев. В 1920 году он написал рассказ «Золотое перо». Герой рассказа — академик, который гово-

— Господа, я слишком уверен в неизбежном конце коммунизма.

Но, несмотря на такие высказывания, для его квартиры и библиотеки выхлопотали охранную грамоту, которую прикрепили к входной двери.

Валентин Катаев писал о Бунине, который был уже в Париже. Писатель действительно писал золотым пером и действительно был почетным Академиком Петербургской Академии наук.

Наука! Хочу подчеркнуть. Так ученые подтвердили, что природа художественного творчества, когда речь идет о большом таланте, равна творчеству ученых, которые открывают и объясняют законы природы. Не зря Нобелевский комитет выдает и писателям, и ученым одинаковые золотые медали.

Иван Бунин принял придуманное Валентином Катаевым почетное звание Академика золотого пера, поскольку в рассказе говорилось, что его творчество охраняется коммунистами и при этом он, Академик, уверен в неизбежном конце коммунизма.

Когда появилась возможность, Бунин прислал из Парижа в подарок своему ученику книжку, на которой написал: «Валентину Катаеву от академика с золотым пером».

Есть стихи, которые поются уже в момент написания слов. Композиторы улавливают мелодию, записанную знаками препинания, и часто пишут на такие стихи песни. Но и прозы без музыки не бывает.

Бунин ясно и точно видит то, о чем пишет, но для него важна также интонация, которая создается с помощью расстановки авторских знаков. Иногда он нарушает общепринятые правила и специально просит корректоров не исправлять его.

В 1941 году С.М. Алданов жил в Нью-Йорке. Вместе с М.О. Цетлиным они задумали издавать толстый журнал в Америке: «Новый журнал». Бунин прислал для этого издания свою книгу «Темные аллеи». И в письме от 16 апреля 1941 года сделал в конце приписку:

«Если будете печатать меня, молю о **моих** знаках препинания»; «моих» — выделено, потому что речь идет об авторских знаках.

Как-то я перечитывал повесть «Дело корнета Галгина». На груди убитой женщины нашли предсмертные записки, сделанные на визитных карточках. На одной стояло:

— Генералу Коновницыну, председателю правления театра. Приятель мой! Благодарю тебя за благородную дружбу нескольких лет... Шлю последний привет и прошу выдать моей матери все деньги за мои последние выходы...

На другой:

— Человек этот поступил справедливо, убивая меня... Мать, бедная, несчастная! Не прошу прощения, так как умираю не по собственной воле... Мать! Мы увидимся... там, наверху... Чувствую — это последний момент...

Норма требует, чтобы текст найденной записки был взят в кавычки. Но Бунину важно услышать живой голос убитой женщины, и он дает предсмертные записки как прямую речь, через черточку.

В другой главе этой повести Бунин цитирует записную книжку героини. Он делает это двумя способами. Если женщина взяла фразу из книги, он ее закавычивает, но все равно ставит в начале фразы тире, чтобы слышать героиню, которая как бы добавляет к этой фразе свой голос:

— «Люди понимают только те страдания, от которых умирают», Мюссе.

Или:

— «Быть человеком не стоит. Ангелом — тоже. И ангелы возроптали и восстали на Бога. Стоит быть Богом или ничтожеством». Красинский.

В тех же случаях когда героиня записывает свои собственные мысли, Бунин ставит тире и фразу в кавычки не берет:

— Свет скучен, смертельно скучен, а душа моя стремится к чему-то необыкновенному...

Или:

— Нет, я никогда не выйду замуж. Это все говорят. Но я клянусь в том богом и смертью...

Я заметил отклонение от нормы, наверное, потому, что считал такой способ цитирования (через черточку) своим изобретением. Оказывается, это отступление от нормы давно было освоено Буниным, у которого я, возможно, данный способ и позаимствовал...

Бунин любил женщин, сокрушался, что его золотое перо бессильно передать всю божественную красоту тела любимой жены или любовницы.

3 февраля 1941 г. И. Бунин записал в дневнике:

«Часто думаю с удивлением и горем, даже ужасом (ибо — не воротишь!) о той тупости, невнимательности, что была у меня в первые годы жизни во Франции (да и раньше), к женщинам.

То дивное, несказанно прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело. Надо попытаться. Пытался — выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова».

Бунин никогда не был один, даже испытал все прелести любви втроем, когда жил в Грассе вместе с женой Верой Муромцевой и любовницей Галиной Кузнецовой.

Однако чувство одиночества ему знакомо. Это отразилось в стихотворении «Одиночество» — 1903 года, которое часто цитируют, представляя, что оно написано в Париже... Впрочем, сочинил он их в Петербурге, а годятся и для Парижа.

Что ж! Камин затоплю, буду пить.

Хорошо бы собаку купить.

Собаку Бунину купил... Воронеж. Сидит писатель на пьедестале в скверике, неподалеку от областной библиотеки. У ног — собака, судя по экстерьеру — колли. Смотрят хозяин и его собака в одну сторону — в прошлое. Там у Бунина не было собаки. Теперь — есть.

Я каждый год бываю в Воронеже. Прихожу в скверик, сижу на лавочке, смотрю на памятник писателю, думаю.

Женщина, которую я полюбил, после нашей свадьбы принесла в приданое четыре тома Бунина. В Нью-Йорке мне удалось напечатать повесть о моей бабушке в журнале, в котором печатался Бунин. И где бы я ни жил, Бунин всегда со мной. Его книги стоят на моей полке и при взгляде на знакомые корешки возбуждают желание писать так же точно и убедительно, как это делал он, изображая, а не просто повествуя или рассказывая.

— Я только того считаю настоящим писателем, который, когда пишет, видит то, что пишет, — говорил Бунин, — а те, кто не видят, — это литераторы, иногда очень ловкие, но не художники, как, например, Андреев...

Это высказывание сохранила в своем дневнике жена и друг Вера Муромцева.

И еще одно важное высказывание Бунина. 27 марта 1916 года в дневнике писателя есть запись о влиянии литературы на человека: «А как влияет литература! Сколько теперь людей, у которых уже как бы две души — одна своя, другая книжная! Многие так и живут всю жизнь начитанной жизнью».

Да, так и живу, начитанный Буниным...

29 февраля 2020 г.
Сан-Франциско.

ПАМЯТНИК ЕВГЕНИЮ ЕВТУШЕНКО

Поэты пишут для своих современников, но думают и о посмертной славе.

А.С. Пушкин написал:

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

С. Есенин в минуту обиды высказался яростно о том, что ему не нужен памятник. И тем самым стал обеими ногами на нерукотворный пьедестал:

— Пускай я сдохну, только... нет, не ставьте памятник в Рязани.

В. Маяковский согласен был и на коллективный памятник:

Мне наплевать
На бронзы многопудье,
Мне наплевать
На мраморную слизь.
Сочтемся славою —
Ведь мы свои же люди, —
Пускай нам
Общим памятником будет
Построенный
В боях
Социализм.

Евгений Евтушенко не оставил стихов, из которых можно сложить нерукотворный памятник. Но его длинную фигуру обязательно отольют из бронзы и поставят на площади.

Сразу после смерти поэта в интернете объявили конкурс на стихи под девизом «Мой Евтушенко». Это было приглашение к созданию нерукотворного памятника. Я не знаю, сколько человек участвовало. Я тоже написал. Стихи мне продиктовала память о великом Союзе народов, о котором Евгений Евтушенко сказал:

— Я последний поэт Советского Союза.

I

Московских фонарей веселый свет.
 В Москве гуляют люди по бульварам.
 А Евтушенко памятника нет,
 Как раньше не было над Бабьим Яром,
 Пока он не пришел на край оврага,
 Где выросли лопух и бересклет.
 Пока не приняла стихи бумага:
 «Над Бабьим Яром памятников нет».

II

Мир не забудет никогда:
 Жил не поэт — стихия.
 В его счастливые года
 Писал ему стихи я.
 «Пока никем ты не убит,
 Пока ты пьешь коктейли,
 Пока ты в бронзу не отлит,
 Поговорим о деле».
 Теперь закончились дела,
 Дела стихов и прозы...
 Но жизнь его близка, тепла
 Для памяти из бронзы.
 Он наступил, прозренья час,
 Когда цветы на гробе.
 Да, выдвигали много раз
 На премию в Европе.
 Для всех открыт поэт, пиит
 Вся жизнь его для чтения,
 Но не взорвался «Динамит»
 В честь гения Евгения.
 Сосна кривая — это знак;
 Путь к холмикам, оградкам.
 Здесь похоронен Пастернак.
 И — Евтушенко рядом.
 К могилам узкая тропа
 Все тверже с каждым годом.
 Здесь можно видеть, как толпа
 Становится народом.
 Он был и быть не перестал,
 Великий, а не модный.
 Теперь готовьте пьедестал
 На площади свободной.
 В Москве немало площадей,
 У каждой свое имя.
 Здесь много бронзовых людей
 Живут между живыми.
 Не для пожатия рука,
 Где дверь была, там стенка.
 И пусть без скульптора пока,
 Он — памятник: мой Евтушенко.

21 апреля 2017 г.
 Сан-Франциско

После революции 1917 года в Москве поставили несколько временных памятников из непрочных материалов, в том числе Алексею Кольцову.

На церемонии присутствовал Сергей Есенин, читал стихи...

...Пока не выбрали площадь и не отлили статую, пусть стоит: «Он — памятник, мой Евтушенко» на Печатанной площади воронежского журнала «Подъём».

Мои друзья-поэты из «Республики слова» (Олег Шевченко, Людмила Бахарева, Роман Харитонов, Виктор Панкратов) одобрили бы. Мы читали его поэму «Братская ГЭС» вслух в редакции журнала «Подъём»...

ПРОСПЕКТ РЕВОЛЮЦИИ. ГАЗЕТА «КОММУНА»

Главная газета города называлась первоначально «Воронежская коммуна». В газете с таким названием в 1922–1923 гг. работал Андрей Платонов, печатал статьи, рассказы, стихи.

В 1923 году при «Воронежской коммуне» было создано объединение писателей «Пестрая ватага», куда вместе с Алексеем Шубиным, Владимиром Кораблиновым и другими входил и А. Платонов до отъезда в Москву.

В 1925 году литературную «ватагу», напоминающую ключевым словом ватагу Степана Разина, переименовали. Объединение писателей получило название «Чернозем», под которым и вошло во Всесоюзную ассоциацию пролетарских писателей.

Название газеты сократили до одного слова — «Коммуна». И в эту газету спустя много лет был принят на работу Олег Шевченко, поэт из «Республики слова».

Олег издал к тому времени две книги стихов, напечатался в «Дне поэзии». И вдруг узнаем: работает в «Коммуне». При встречах с увлечением рассказывал, как его ценят главный редактор и журналисты. Была такая позиция в «Коммуне»: писатель в газете. Раньше эту позицию занимал Андрей Платонов. Но Олег не считал себя литературным работником в чистом виде. Он брался за любую журналистскую работу. Гордился тем, что может со знанием дела написать статью, очерк на сельскохозяйственную тему.

Я ему говорил:

— Олег, это не твое: беспокоиться о всходе озимых культур, интересоваться, сколько навоза вывезли на поля.

— А хлеб, мы его того-с, с навозом, — отвечал он.

Олег не терпел пренебрежительного отношения к сельским темам. Ему все интересно было в газете. Он даже посвящал отдельным жанрам стихи:

Но я ужасно поражен
И полон я недоуменья,
С чьего бы это мановенья
Исчез внезапно фельетон.
Ах, Боже мой! как нужен он.

Воронеж освободили в январе 1943 года. Жители начали возвращаться в город. Трамваи не ходили, не работал водопровод, не было света. Здание, в котором до войны располагалась редакция газеты «Коммуна» было основательно разрушено, как и вся центральная часть города. Кирпичных развалин было так много, что вернувшиеся из эвакуации жители, спрямляя дорогу, ходили не по тротуарам, а протапывали тропинки в разные стороны на месте разрушенных домов. Стоит упомянуть, что в довоенном здании «Коммуны» в тридцатые годы два этажа занимали журналисты, а третий, верхний, был отдан отделению Союза писателей и редакции журнала «Подъём». Писатели арендовали у журналистов поме-

щение с 1931 по 1938 гг. После войны для «Коммуны» на старом фундаменте построили практически новое здание. А рядом в уцелевшем особняке (на третьем этаже) выделили кабинеты для редакции журнала «Подъём».

За фасадом, так сказать, на заднем дворе, было здание типографии, где печаталась газета и журнал. Бомбы, попавшие в здание «Коммуны», разрушили и типографию.

Олег Шевченко изучал историю газеты, в которой работал. Однажды принес книжку Константина Гусева «За родной город», изданную на плохой бумаге через несколько месяцев после освобождения Воронежа. Он умел находить редкие книги. Вот — небольшой фрагмент:

«Областная газета издавалась еще в Борисоглебске. И вот 28 января на проспекте Революции появился первый бюллетень «Коммуны». Написанный от руки на небольшом листе газетной бумаги, он был водружен на нотном пюпитре, извлеченном из развалин музыкального училища. Пюпитр стоял посреди улицы: здесь он больше привлекал внимание, а уличному движению не мешал.

Издатель бюллетеня В. Докукин обосновался в проходной будке типографии — единственном уцелевшем помещении «Коммуны».

«Полиграфической базой» бюллетеня был обыкновенный химический карандаш. Но как радовало воронежцев в те дни это несовершенное издание! В нем помещалось самое важное, самое необходимое, интересовавшее всех: сводки Советского информбюро, заметки о первых успехах восстановителей, беседы с партийными и советскими руководителями города.

Восемь дней издавался бюллетень рукописным способом. Тиражом в три экземпляра. А затем появилась и настоящая типографская база — из райцентра Анна доставили печатную машину — «американку».

Сегодня листки газетной бумаги, исписанные карандашом, являются достоянием Областного музея, как замечательные экспонаты по истории возрождавшегося послевоенного Воронежа.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Наш друг Олег Шевченко устроился в отдел писем. Заведовал отделом Кирасиров, низенький человек, необыкновенно широкий в плечах. В отделе он бывал редко. Кто-то из редакционных работников (кажется, художники-ретушеры) решили над ним подшутить. Они принесли в отдел большой почтовый ящик. Поставили его на стул, где должен был сидеть Кирасиров. Получилось, что зав. отделом писем — большой почтовый ящик.

1965 г.

ОЛЕГ ШЕВЧЕНКО РУКОВОДИТ ПО ТЕЛЕФОНУ

Заведующего отделом писем Кирасирова нет. Олег Шевченко встречает всех в позе хозяина.

Зазвонил телефон. Олег взял трубку, нахмурился. Некоторое время молча слушал, затем, перебивая того, кто на том конце провода, резко проговорил:

— Надоели вы мне, товарищ Черненко... Нет, не будем вас печатать. Если под вашим материалом стоит ваша подпись, то будьте добры написать так, чтобы... Да, именно, по художественным достоинствам не будем. До свиданья!

Он повесил трубку и еще две-три минуты чувствовал себя важным и очень сердитым, даже складки на лбу не сразу разгладились.

Я зашел в газету проводить Олега. Он отодвинул стопку листов, на которых что-то писал. Рукой пригласил меня сесть на стул посетителя. На столе телефон. Олег погладил аппарат. Внезапно телефон зазвонил. Олег отдернул руку, словно ее звонком обожгло. Звонила Зоя Габоева, жена Женки Титаренко. Тот привез ее в Воронеж и тут бросил. Олег долго разговаривает с нею, поэтессой из Осетии. Я сидел, разглядывал кабинет. Наконец, Олег положил трубку.

— Я слышал: ты переводишь ее стихи? — спросил я.

— Да, — он с виноватым видом махнул рукой. — Два уже перевел. Я из нее Анну Ахматову делаю. Ты знаешь, что я открыл? Могу легко писать от имени женщины. Когда-нибудь издам книжку под женским псевдонимом.

На стене рядом с его столом много кнопок. Мне интересно разглядывать его новое место работы. Я спрашиваю:

— Что это?

— Это? — Он гордо задирает остренький подбородок, рыжие усы заносчиво топорчатся. — Кнопки связи. Нажму, и прибежит курьер. Вообще-то я могу схулиганить.

Он осторожно, словно опасаясь электрического удара, нажимает кнопку звонка. После этого замирает в напряженной позе, смотрит на дверь, ждет курьера.

17 ноября 1965 г.

БИОГРАФИЯ ОЛЕГА ШЕВЧЕНКО,

написанная им самим в период учебы в вечерней школе

Родился 26 июня 1939 года в г. Тамбове. Детство провел на Северном Кавказе, в Грозненской области.

В городе Воронеже живу восемь лет. Здесь учился в средней школе, здесь в 1955 году напечатал первое стихотворение. Называлось «Вор». Было напечатано одновременно в областной молодежной газете «Молодой коммунар» и в альманахе «Литературный Воронеж». За это стихотворение меня потом сдандули финкой в бок в одном из темных переулков. Не кривя душой, скажу, что это до сих пор лучшая рецензия на мои стихи.

Первое столкновение со стихами произошло у меня в 1951 году. С тех пор пробовал писать все, вплоть до пьес на колхозную тему. Ничего, конечно, не получилось. К тому же писал я от случая к случаю, совершенно не думая о серьезной литературной работе. Увлекался я тогда сценой. Кочевал по разным драматическим кружкам и один раз играл даже в настоящем театре небольшую роль. Но постепенно стихи перебороли театр. 1955 год считаю началом серьезной работы над ними.

В 1957 году работал на заводе «Электросигнал». В этом же году по путевке комсомола поехал в Северный Казахстан на строительство элеватора. Был там грузчиком. Норму выработки выполнял на 220 %. Награжден значком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель». Зимой занимался поденной работой.

Некоторое время принимал участие в издании молодежной газеты «Крокодил идет по городу». Сейчас кончаю 10 класс вечерней школы. Стихи печатались в альманахе «Литературный Воронеж», межобластном журнале «Подъём», в воронежских и северо-казахстанских областных газетах, в сборнике молодых.

Вот и вся биография.

О. Шевченко.

ДЕВЧОНКА И РОЯЛЬ

Здание газеты «Коммуна» расположено на проспекте Революции, рядом редакция журнала «Подъём», с которым рядом редакция газеты «Молодой коммунар». Куда бы ни направлялся, всегда есть возможность зайти к Олегу поболтать. Я поднялся по лестнице. Дверь в кабинет приоткрыта. Олег говорит по телефону: встанет, садится, опять встанет. Я показался в дверях, помахал портфелем. Спрашиваю:

— Ты занят?

— Нет, сейчас.

Он, наконец, закончил разговор. Небрежным жестом сдвинул папки с письмами поближе к стене.

— Пойдем!

— Куда?

— В клубе посидим. Здесь не дадут.

Мы прошли по коридорам в клуб газеты «Коммуна». Сели в заднем ряду зала, в самом углу. Сцена занавешена, оттуда доносятся беспорядочные, вернее, плохо организованные звуки. Кто-то играет на рояле. Спрашиваю:

— Кто там играет?

— Девчонка. Дочка нашей курьерши. Она каждый вечер здесь играет. Учится в музыкальной школе.

Я все ждал, что Олег уйдет из газеты. Талантливый молодой поэт, его стихи в «Дне поэзии» похвалил Константин Симонов. Но вот пришли мы в пустой зал клуба. Сидит Олег в кресле, как у себя дома. Это уединенное место в большом доме ему доступно. Он может здесь со мной поговорить и заодно послушать, как тренирует свои пальчики девочка, дочь курьерши. А потом поднимется в свой кабинет, около которого стоит гостевой стул, будет принимать посетителей, звонить по телефону. По какому-нибудь письму читателей напишет фельетон... («Ах, боже мой, как нужен он»). Работали же при газете «Гудок» знаменитые писатели: Юрий Олеша, Илья Ильф, Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Константин Паустовский. Они по письмам читателей писали фельетоны в стихах, пьесы... Олег Шевченко любил приводить эти примеры. Это была его жизнь. И она ему нравилась.

ЛЮБИМОЕ СЛОВО ОЛЕГА «НУ?»

«Коммуна» — главная партийная газета города. Мой друг сидит за столом важный. Перед ним папки с письмами. Каждое письмо имеет паспорт: бумажка, соединена с письмом скрепкой: от кого пришло, тема. За каждое письмо надо расписаться.

Олег сидит, расписывается. Открывается дверь, в кабинет заглядывает старик в шапке-ушанке, хотя еще не зима, ноябрь. Некоторое время он стоит на пороге, не решаясь войти. Олег оборачивается к нему, хмурит лоб. На лбу у него написано:

— Ну?

— Можно зайти?

— Ну, зайдите.

— Полковник в отставке, — без улыбки представился он.

— Садитесь.

— У меня вот какое дело, — начал полковник, — Я хотел бы написать заметку о столбах. Можете вы ее напечатать?

— О каких столбах?

— Электрических.

— Ну?

— На Плехановской улице выкрасили столбы. Видели? Какой в красный цвет, какой в желтый. Есть голубые, зеленые.

— Ну, выкрасили. Очень хорошо, к празднику выкрасили.

— Непорядок, столбы должны быть одного цвета. Значит, не можете поместить заметку?

— Не можем.

— Я напишу в «Известия».

— До свиданья!

После ухода старика-полковника я говорю:

— Как-то ты с ними не очень вежливо.

— Да ну их, надоели. Тут на столе — в письмах, знаешь, сколько таких. И еще в дверь лезут.

Мы разговариваем, Олег просматривает письма и подписывает к ним бумажки — паспорта.

Письма, действительно, приходят смешные.

«Купили мы поллитру водки, и в ней нам попался паук в паутине с добычей (мухой)». Олег острит:

— Везет же людям... Тут, сколько ни пьешь, ни разу ничего приличного не попало.

Он достает из папки следующее письмо, к нему приложение: завернутый в бумагу кусок хлеба с запеченным тараканом.

К следующему письму тоже есть приложение: кусок проволоки попался в бублике.

Приоткрылась дверь и в кабинет заглянул сильно пьющий журналист из отдела сельской жизни.

— Привет! Ну как, напишем клеветон?

Это была его дежурная шутка. И Олег каждый раз этой шутке смеялся.

ВАРИВОДА

Мы сидели с Олегом вдвоем в отделе писем. Завотделом Кирасиров был в командировке.

Забегал автор, парнишка из университета, худенький, суетливый, с выпуклыми глазами. Олег взял его заметку, быстро пробежал глазами, кивнул:

— Хорошо.

Но парнишка не уходил. Я ждал, что Олег ему меня представит. И этот парнишка чего-то ждал. Олег начал общий разговор про Вознесенского. Парнишка слушал, молчал.

— Он, конечно, поэт, — сказал я, — но какой-то поэт-акробат.

— Станислав Рассадин обвиняет Вознесенского в плагиате, — сообщил Олег.

— Так и нас с тобой, Олег, тоже обвиняли.

Мой друг смущенно улыбнулся и показал рукой на парнишку:

— Вот он.

Предыстория была такая. Роман Харитонов все лето провел в Очакове, плавал на сейнере, ловил рыбу. По возвращении рассказал мне морскую историю про собаку. История показалась мне интересной. Я написал рассказ «Хромой пес» и напечатал его с посвящением Роману в журнале «Подъём», а потом и в книжке. Примерно в тоже время на похожий сюжет ленинградский писатель Федор Кнорре написал рассказ «Соленый пес».

Олег Шчевенко

И вот открываю я газету, а там заметочка о том, что сюжет своего рассказа я позаимствовал у Кнорре. Подписана заметочка была двумя студентами.

— Варивода и Мясников? — спросил я.

— Варивода, — опять показал на парнишку Олег.

— Интересная у тебя фамилия, Варивода, — сказал я. — Оригинальная, какой-то предок твой варил воду... Чудак ты, Варивода, на букву «м»...

Мне было известно и участие в этой истории самого Олега. Студенты приносили ему набранный текст. Мой друг прочитал гранки и тогда им ничего не сказал. Сейчас он вдруг заявил:

— Вы были, ребята, неправы. Я читал рассказ Пашнева раньше, чем «Соленого пса». Написан «Хромой пес» точно значительно раньше...

Варивода был смущен, засуетился и, не ответив на мою грубость, ушел. Олег тут же порвал его заметку:

— Не пойдет!

Мне хотелось и Олегу сказать что-нибудь грубое, но я сдержался.

— Ну, ладно, мне пора.

— Я тебя провожу.

Мы вышли из редакции газеты и направились по проспекту Революции в сторону вокзала. Олег все время что-то говорил, я мрачно молчал. Мой друг шагал рядом, маленький, тщедушный, стараясь делать большие шаги, но иногда семенил. Под мышкой нес большую кипу газет. Жаловался:

— Ремонт делаю, крашу, застилаю газетами мебель, чтоб не запачкать. Голова не варит. Если я еще на год останусь в газете, погибну. Нужен побег, да, побег...

ПЕРСТЕНЬ НА ПАЛЬЦЕ И БАБОЧКА

Сидит в большом кабинете в редакции «Коммуны». Рука лежит на столе, на среднем пальце — перстень из серого серебра с монограммой. Сначала он носил его для форсу. Руку держал так, чтоб все видели. Потом привык. И все привыкли.

А сегодня вдруг я обнаружил новшество в костюме Олега. Около самого горла, между отворотами кургузенького пиджачка, торчит какая-то серенькая тряпочка в крапинку. Я не сразу понял, что это бабочка, какие носят артисты.

— Что это у тебя? — спросил я.

— Бабочка.

— Зачем?

— Надо. Набоков любил бабочек.

Сидит в отделе писем партийной газеты. К нему идут жалобщики: несчастные старухи, инвалиды на костылях, сумасшедшие. А он — в бабочке. Артист, Набоков.

— Какая-то она у тебя помятая. Котенок что ли твоей бабочкой играл? Набоков любил ловить бабочек. Ты что, Олег, сними.

— Отстань! Лучше вот послушай новое стихотворение: «Расклеищица афиш».

Он прочитал, размахивая головой, как Андрей Вознесенский, и помогая себе жестами руки.

— Хорошие стихи, — сказал я

— Не напечатают, — радостно выкрикнул Олег.

Вот уже полгода он пытается писать стихи, про которые можно было бы сказать:

— Не напечатают.

Но, увы, никаких смелых аллюзий в стихах нет. И я говорю:

— Напечатают.

И стихи, действительно, напечатали.

ОЛЕГ И СПИЧКИ

Олег, курящий человек, купил даже трубку. От курения кончики рыжих усов слегка подкоптились. Ему нравится сидеть в кабинете партийной газеты с трубкой в зубах. Куда-то побежал, вернулся уже с дымящейся трубкой, объяснил:

— Ты знаешь, я так обнаглел, что хожу прикуривать даже к Мореву.

Морев — заместитель редактора «Коммуны».

ПОСЛАТЬ В КОМАНДИРОВКУ

Забегал к Олегу в «Коммуну». Сидит за своим столом в отделе писем, откинулся на спинку стула, курит трубку. На указательном пальце поблескивает большой перстень с печаткой.

— Ты прямо Эренбург, — говорю ему.

— Похоже, да?

Он был доволен. Поговорили о пустяках, Олег наклонился ко мне и, вдохновенно блестя глазами, сообщил, оглядываясь на дверь:

— Редактор ко мне мирволит, — жест рукой сверху вниз, означающий насколько полно главный редактор газеты Владимир Яковлевич Евтушенко благосклонно к нему относится.

— Ты же для него ценный сотрудник, поэт.

— Он всегда отмечает мои материалы.

Я киваю. Мне неинтересна эта тема. Но Олег этого не чувствует:

— Хочешь поехать в командировку? Я могу сейчас, кого хочешь послать в командировку. Приведу к Владимиру Евтушенко, скажу: «Пошлите!» И он пошлет. Вот Ионкин поехал. Я хочу Ионкину составить протекцию. «Кирасинов» уже сагитирован полностью. — Опять жест обеими руками сверху вниз, означающий насколько полно сагитировал своего заведующего отделом писем.

ВОРОНЕЖ — БРНО

Воронеж и Брно — города-побратимы. Приехала делегация чехов из Моравской области. Для них в газете «Коммуна» устроили прием. Всех пригласили, а двух литсотрудников отправили домой: Олега Шевченко и Эмму Носыреву.

Олег взъерошил свой жиденький чуб, сказал хмуро:

— Я видел только, как носили в кабинет главного редактора бутылки. Не буду больше переводить чехов.

— А я даже этого не видела, ушла раньше, — со смехом сказала Эмма Носырева.

— Не буду никогда больше переводить чехов. И этого Богоявленского с его подстрочниками буду гнать в шею. Вот в секретариате лежит один мой перевод. Напечатаю — и все!

ТИТАРЕНКО И ШЕВЧЕНКО

Олег Шевченко, Людмила Бахарева и Евгений Титаренко подружились. Узнаю через третьих лиц: едут вместе на Соловки.

В середине недели, по дороге в «Подъём», зашел в «Коммуну». Олег был на месте.

— На Соловки едете? — спросил я его.

— Не знаю, Женька что-то передумал... — И тут же мечтательно закатив глаза: — В Елабугу поехать бы, к Марине Цветаевой, прочитать ей мои стихи: «Марина, ты марина, Марина — синь моря».

— Нет ее, некому читать.

— Ничего, она слышит... Поклонились бы могиле. Но Людмила говорит: «Соловки, острова, монахи...»

— Если Людмила говорит, значит, поедете на Соловки.

— Да, надо подсчитать, — он взял лист бумаги. — До Москвы 9 рублей поездом. От Москвы до Архангельска — 20 рублей. И там, на пароходе, — 10 рублей. Всего 40 рублей на человека только в одну сторону. Дорого.

СЫН РОДИЛСЯ

Сажу у Олега в кабинете. Вид у него замученный, под глазами черные круги, торчат с унылой бодростью редкие щетинки рыжих усов. Олег привез из роддома свою жену, Людмилу Бахарева. И сейчас, бедный, с утра до вечера занимается хозяйственными вопросами. Он говорит:

— У меня сейчас полдень хозяйственный, вечер хозяйственный. И утро тоже хозяйственное. Знаешь, удивительное дело, брезгливости никакой. Подмываешь его и смотришь, какое оно? Ну, понимаешь, говно. Если желтенькое, как яичный желток, значит, хорошо. Если темнее, значит, что-то у него с желудком. А вчера он не обделывался целый день. Я так волновался. А к вечеру обделался. И у меня наступили именины сердца.

Говорит со мною и одновременно берет со стола бумаги, письма, читает, подписывает, складывает в папку. Затем взял папку, засунул под мышку. И оттого, что папка была большая, пузатая, сам он со своими редкими усами и маленьким, зачесанным на бок чубчиком, показался маленьким. Выходя из кабинета, объяснил мне:

— Я ведь чиновник не очень маленького класса, не как Акакий Акакиевич... Зашагал по коридору, значительный, важный.

ЛЮДМИЛА БАХАРЕВА — ЖЕНА ОЛЕГА

Людмила Бахарева — выпускница Воронежского университета. На одном из «Дней поэзии» в актовом зале ВГУ Олег Шевченко познакомился с ней.

Людмила — женщина крупная, громоздкая, стеснялась танцевать, когда в общежитии устраивали танцы. Они с Олегом приходили на танцы, но в основном сидели в углу на стульях, беседовали о литературе, читали друг другу стихи.

Впоследствии на вечеринках (среди своих) Людмила выходила иногда под музыку на середину комнаты. Переминалась с ноги на ногу одна. Мы были удивлены: Олег, маленький, щуплый, женился на женщине огромной, не умеющей танцевать. Ощущение при виде это пары было четкое. Это она, большая и сильная, женилась на худеньком пареньке. Ей бы диски метать или даже молот, а Людмила сочиняла стихи и, надо сказать, хорошие. Во всяком случае, критики хвалили. Называли ее творчество философской лирикой.

Молодая семья в первые годы жила скудно. Работал один Олег — на заводе стропалем, цеплял грузы, которые надо было поднять и погрузить в кузов грузовика. На ужин жарили яичницу из двадцати яиц и ели с хлебом. Очень долго к ним приходил почти каждый вечер ужинать странный парень, высокий и лохматый по фамилии Тарасов. Он тоже вроде бы что-то писал, но известен был тем, что умел оценить написанное, например, стихи Бахаревой. Это был — друг семьи, точнее, друг Людмилы, более крупный и более сильный, чем Олег.

Олег побаивался своей жены. Она и побить могла: сильная была женщина. Но Олег продолжал влюбляться, и все в таких же крупных (грудастых) женщин.

Во время выступления по телевидению «Республики слова» увидел Адку, телевизионную диву, женщину крупную, резкую в движениях, насмешливую. Отозвал меня в сторону:

— Ты видел, какая у нее спина? — И закрыл глаза, не в силах говорить о ее широкой спине. После небольшой паузы вздохнул: — Я видел, как она потянула замok молнии, и платье развалилось на две части.

— На две?

— До самого пояса.

На другой день после передачу, я встретил Адку на улице. Олег Шевченко тоже произвел впечатление на большую насмешливую женщину.

— У твоего друга, Олежки, совсем нет тела, — сказала она. — Совсем! Одни глаза.

— А это хорошо или плохо?

— Хорошо, потому что они у него красивые. Скажи ему об этом.

Позднее я прочитал в его книжке стихи, которые начинались словами:

Ваши слишком выпуклые части
Вызывают низменные страсти...

БОРИС ПОДКОПАЕВ И ОЛЕГ

Сегодня, как обычно, по дороге в «Подъём», заглянул в редакцию газеты «Коммуна». В отделе писем, склонившись к рукописи, что-то писал Кирасиров. Олега не было в его кресле.

— Привет! — постучал я в створку двери, не заходя в кабинет. — Мне нужен Олег. Когда он будет?

— Его забрал в секретариат Борис Митрофанович.

Борис Митрофанович Подкопаев — ответственный секретарь газеты. Он, как любит говорить Олег, «рисовал газету», то есть делал ее макеты, верстку. От него зависело, какой материал поставить, а какой придержать, а то и выбросить. Я очень долго к этому человеку относился предвзято. Он мне казался чересчур длинным и чересчур сухим. Но как-то я заметил, что в этом «сухаре» стал все яснее и яснее проявляться человек, из племени Дон-Кихотов. У него есть идеалы. Началось с того момента, когда он организовал у себя в редакции из журналистов и типографских рабочих футбольную команду. И сам в этой команде стал играть центрального нападающего. Это в свои сорок пять лет! Длинный, неуклюжий; когда падает, то складывается пополам, как плотницкий сантиметр. До четырех часов работает в газете, а после четырех достает футбольные мячи, чертит схему атаки, пишет план тренировок.

Одну ночь он посвятил тому, что писал номера на майках. Я тоже играл за команду «Коммуны». На моей майке он написал 11-й номер. Жена его, Светлана Власова, ходила мимо ванной комнаты и время от времени кричала ему через дверь:

— Всю ванну краской запачкал.

А он сидел в ванной и продолжал писать номера.

Затем у нас была календарная встреча с «Молодым коммунаром». Перед игрой Подкопаев собрал всех нас, достал из сумки пачку сахара и заставил его есть, чтобы во время игры у нас прибавилось сил.

Эту пачку сахара он, конечно, спер у жены из буфета, а мы ее схрустели. Сахар не помог, мы проиграли 7:2. Да вдобавок нашему капитану и тренеру Борису Подкопаеву покалечили ногу.

На другой день он пришел на работу грустный и хромой.

Звоню ему по телефону, интересуюсь:

— Борис Митрофанович, как насчет тренировки?

— Сегодня в шестнадцать ноль-ноль, в «Коммуне».

Прихожу, смотрю — автобус стоит. Спрашиваю:

— Чей?

— Наш.

— Каким образом?

Оказывается, Борис Митрофанович выколол для газеты микроавтобус на двенадцать мест и сам нашел шофера. Прежде чем поинтересоваться, есть ли у него права, спросил:

— В футбол играешь?

У парня было две спортивные грамоты. Он их принес, показал. Оказалось, он чуть ли не профессиональный игрок. И что самое главное, хочет играть в защите.

ОЛЕГ РИСУЕТ ГАЗЕТУ

Я удивился, что Борис Митрофанович позвал Олега «рисовать газету». Прошел по коридору, разглядывая таблички, заглянул в секретариат. Действительно, Олег в секретариате. Он стоял за длинным столом, топорщились его рыжие жиденькие усы. На столе — пузырек с клеем, металлическая линейка, ножницы и прочие детали секретарского искусства.

— Привет!

— Заходи, заходи, — обрадовался он.

— Ну, что... с повышением тебя?

— Сто тридцать рэ, — ответил он гордо и, подняв подбородок, дал мне возможность полюбоваться выдвинутой в мою сторону челюстью.

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ СО СВЕТЛАННОЙ ВЛАСОВОЙ

Борис Подкопаев — ответственный секретарь газеты «Коммуна». Его жена — журналистка Светлана Власова. Приехала в Воронеж, бросив Москву, работу на телевидении. Но в Москву часто ездила. Встретив меня однажды на улице Горького, схватила за руку:

— Куда идешь?

— Никуда. В книжном магазине был. Купил Януша Корчака.

— Пойдем с мной.

Я не спрашивал куда. Она потянула меня за руку в Камергерский переулок, к МХАТУ.

Через четверть часа мы уже сидели в первом ряду на балконе второго яруса. Давали Джона Килти «Милый лжец». Пьеса была составлена из переписки Бернарда Шоу и известной английской актрисы Стелы Патрик Кембел. Роль драматурга играл Анатолий Кторов, роль актрисы — Ангелина Степанова. Поразил меня глубокий, сильный, ярко окрашенный голос уже немолодой актрисы.

После спектакля мы вышли из театра и, доброжелательно улыбнувшись друг другу, направились в разные стороны. Каких-либо близких отношений у нас не было. Правда, подруга Светланы Власовой, журналистка газеты «Коммуна», мне рассказывала: Светка с ней советовалась:

— Гульнуть мне с Пашневым или нет?

Нет, она осталась верной женой Борису Подкопаеву.

Светка — книжная наркоманка, читала все книги, журналы. Поздним вечером вдруг звонок по телефону:

— Пашнев, привет! Сейчас я тебе испорчу настроение. Передо мной лежит журнал «Октябрь», № 2. Слушай, что про тебя тут написано. И она зачитала доброжелательную статью Л. Фоменко. К тому же статья была обзорная: о творчестве Э. Пашнева, В. Гордейчева, А. Шубина, И Герасимова. Зачитала, а потом минуты две хохотала заливисто, по-бабьи. Она знала, что я не разделяю позицию «Октября». Из толстых журналов я выделял «Новый мир», который редактировал Твардовский. А журнал «Октябрь» взял и похвалил меня.

«ОКТЯБРЬ» И «НОВЫЙ МИР»

На следующий день Борис Подкопаев пришел в секретариат с журналом «Октябрь». Поздоровался с Олегом и тут же спросил:

— Как ты относишься к журналу «Октябрь»?

Олег ему резко:

— Фашисты.

— А как ты думаешь, кто в нем печатается?

— Фашисты.

— А как ты думаешь, те, кого хвалит журнал «Октябрь», кто они, эти авторы?

— Тоже фашисты.

Тогда Подкопаев показал ему журнал с отчеркнутыми красным карандашом страницами в статье Л. Фоменко, где положительно написано: «Заслуживает внимания проза Эдуарда Пашнева...»

Олег замялся только на одну секунду:

— Но есть ведь еще жертвы фашизма.

ПООБЕДАТЬ В МОСКВЕ

Олег Шевченко и Людмила Бахарева решили поехать в Москву — пообедать в ресторане «Берлин».

Туда и обратно они ехали в общем вагоне. И все для того только, чтобы поесть и выпить рюмку водки в столичном ресторане.

В Москве Олег купил себе такой же большой портфель, как у меня, чтобы ходить с ним на работу. Я несколько дней заходил в редакцию газеты «Коммуна», чтобы увидеть Олега с портфелем. Но его на месте не было.

— На задании, — сказал Кирасиров.

ПОХОДКА

Проспект Революции. Я иду от театра драмы. Навстречу мне — Олег Шевченко. Шагает крупно, широко. В руке портфель из желтой кожи. При такой походке вразвалку и вразмахку он сам себе очень нравится, кажется выше. Олег размахивал руками и портфелем так широко, как мог бы размахивать и вышагивать двухметровый великан весом в 100 килограммов. На самом деле Олег низенького роста, хлюпкий. И получалось очень смешно.

— Я уже в отпуске, — сообщил он мне.

— Да? — удивился я.

— Завтра едем с Людмилой в Ригу.

— Зачем?

— Пообедать, поужинать.

Хочется шикарной жизни: ездить по городам, обедать и ужинать в ресторане.

После окончания университета Людмила Бахарева работала в многотиражной газете на Нововоронежский атомной станции. Поселок атомщиков хорошо снабжался, мы туда ездили покупать дубленки.

Потом Людмила перешла на работу в редакцию районной газеты, которая готовилась и печаталась в Воронеже. Когда газету перевели в район, осталась без работы.

Незадолго до этого наш друг Роман Харитонов устроился на работу в издательство. Он готовил к изданию поэтические сборники. Но ему это быстро надоело, он ушел в отпуск без содержания. Его место временно заняла Людмила. Роман из отпуска не вернулся, наша подруга стала редактором на постоянной основе.

И вот так случилось, что Воронежский обком послал нас в деревню изучать жизнь: Олега Шевченко, Людмилу Бахареву и меня. Обещали дать машину из обкомовского гаража, но не дали. Мы передвигались по Воронежской области на поездах и на попутном транспорте. В гостиницах не разлучались, жили втроем в одном номере. Олег и Людмила (муж и жена) спали на отдельных кроватях, как товарищи. Мы, трое, посланные в народ, были в этих поездках товарищи, бригада. Людмила Бахарева в мужской компании легко становилась своим парнем. В ее фигуре, в жестах, много было грубого, мужского. Не знаю, как Олег, я порой забывал, что она женщина.

Наше хождение в народ длилось около месяца. В двух областных газетах, партийной и комсомольской, мы успели по ходу своего путешествия напечатать несколько очерков, корреспонденций о жизни сельских тружеников, рассказ о милиционере и много стихов. Все писали вместе. Один начинал фразу, другой подхватывал, третий заканчивал. Печатал на машинке обычно я.

Вернувшись в Воронеж, мы продолжили сочинять вместе. Но писали уже городскую повесть о своей жизни. Бахарева — о том, как работала журналисткой в поселке атомщиков: «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом». Я — о том, как во время учебы в Литературном институте искал в московских библиотеках Атлантиду, то есть свидетельства древних о том, что она была. У Олега своей темы не было. Он помогал то мне, то Людмиле, добавляя художественные подробности к разным линиям. Повесть «Я верю в Атлантиду» была написана и одобрена рецензентами, когда Людмила поступила на работу в издательство. Из Москвы ко мне приехал мой сокурсник Евгений Титаренко. Он тоже был принят на работу в издательство. Моего друга с ходу назначили редактором повести. Людмила находилась рядом, она, как говорится, заглядывала ему через плечо. Мы хорошо устроились: сами писали, сами себя издавали. Писатели старшего поколения — и трезвые, и пьющие — верили в нас, молодых. Они многое нам позволяли.

Людмила Бахарева оказалась очень деятельной. Она просто нависала над редакторским столом Евгения Титаренко всем своим мощным бюстом. Рукопись они быстро отредактировали. Наступил момент подписи договора на повесть «Я верю в Атлантиду». Людмила не позвала своих соавторов: зачем терять время. Она расписалась в договоре за Олега, за себя, за меня. И все это сделала своим, моим и почерком Олега. Сделанная ее рукой подпись под договором, когда Людмила на другой день показала мне документ, понравилась мне больше, чем моя собственная.

В жизни Людмила не похожа на свои стихи — не философская лирика, а демонический реализм...

Я зашел в кабинет заведующего редакцией. Сам Юрий Георгиевич отсутствовал. На его столе стоял чайник, на листах белой бумаги лежали бублики. Женщины из всех отделов устроили перерыв, чтобы выпить чаю. Они жевали бублики и слушали Бахареву. Она рассказывала им убежденно и зло случаи из своей жизни.

— Привет, девушки! — сказал я.

Мне ответили на скорую руку, кто улыбкой, кто кивком. И все присутствующие снова устремили свои взгляды на Бахареву. Она ждала, когда ей возвратят внимание.

Я сел. Людмила продолжила:

— Так вот, — постучала она рукой по столу, — у меня тетка была. Во время войны я ей говорю: куда ты бежишь, все равно тебя в Ростове бомбой убьет.

«Что ты, — отвечает мне она, — зачем я туда поеду?» И все-таки поехала. И ее там бомбой убило. После этого случая меня все родственники стали бояться. — Она демонически усмехнулась. Ей нравилось быть такой злой предсказательницей.

— Или вот еще случай. Бернардинер поставил мне тройку по философии. Я вышла и подумала: чтоб тебя паралич разбил!

Через два месяца его паралич разбил. А еще одна преподавательница мне тройку по литературе поставила. Надо же: поэту по литературе — тройку. Я подумала: чтоб ты сдохла, старая сука! И через полгода она сдохла...

Бахарева все это говорила, и на ее широком лице округлялось выражение угрожающего самодовольства. Она и впрямь приписывала все эти совпадения своему тяжелому взгляду и метительной мысли.

КЛУБ «ГРЕНАДА»

Мы шли из «Молодого коммунара» после заседания в клубе «Гренада». Огромная неуклюжая Бахарева шагала по проспекту рядом с худенькой Умывакиной. Она слегка толкала ее плечом, похлопывала ласково по спине. Та не сопротивлялась, но на губах была ехидная улыбка, а не дружеская.

Олег Шевченко шагал за ними нервный, исхудавший. Ему не нравилось, что его жена идет в обнимку с бабой.

— Давайте еще раз подумаем, кому присудить премию имени Светлова, — бурчал он.

— Анне Ахматовой, — сказала Бахарева.

— Вы что? — удивился я. — Анна Ахматова — это же вчерашний день поэзии.

Бахарева гневно развернулась ко мне, даже руку убрала с плеча Умывакиной:

— Ты меня извини, ты что — дурак, что ли?

Галина Умывакина

ПЕРВАЯ КВАРТИРА

Олег Шевченко и Людмила Бахарева (муж и жена) некоторое время жили в квартире родителей Олега. В комнате стояла кровать и небольшой шкаф для книг. Потом они получили отдельную квартиру на улице Никитинской. Пришли на новоселье в совершенно пустую квартиру издательские работники, почти все, кроме главного редактора и директора. Столом был — пол. Сидели вокруг бутылок, стоящих на полу. Кто на пачке томов из Малой Советской Энциклопедии, кто на библиотеке советского романа. Сначала выпивали, говорили тосты, потом пошли танцевать, благо места свободного много. Поднялась со стопки книг и Бахарева. Но у нее ничего не получалось. Она переминалась с ноги на ногу, поводила бедрами, как могла, изображала танец.

К новоселью она подготовилась: губы густо намазала красной помадой, как у мима Марсея Марсо. И это сходство с мимом еще больше усиливалось, когда она что-нибудь говорила или даже слушала. Все части лица менялись, приходили в движение, а красный круг вокруг рта оставался неподвижным. И создавалось впечатление, как в кино, когда звук не совпадает с движением губ. Вечер достиг апогея, Бахарева взяла бутылку рома, унесла ее на кухню и закрыла дверь.

Главный художник издательства, Света Ротмирова, подошла к двери и погрозила пальцем. Тогда Бахарева, остроив зверское лицо, ударила ладонью по стеклу, вставленному в верхнюю фрагму двери.

У Светы Ротмировой была кофточка с большим вырезом. Все мелкие осколки так и посыпались ей за пазуху. Света быстро расстегнула кофточку, начала их вытряхивать. А Шура, редактор документальных и публицистических произведений, схватила Бахареву за руку и долго с удивлением разглядывала ладонь. Ее удивляло, что Людмила даже не порезалась.

БАХАРЕВА И ТИТАРЕНКО

Издательские работники редко читают книги для собственного удовольствия. Но на этот раз — это была книга Тихона Астафьева «Гильзы в золе» (Записки следователя). Утром Тихон Астафьев пришел в издательство прямо с поезда, получил авторские экземпляры и подарил свою книгу с автографом Тамаре Давиденко и нескольким редакторам, которые сидели с ней в одной комнате.

Я зашел в издательство в конце рабочего дня. За одним столом Женька Титаренко читал книгу Астафьева; за другим столом такую же книгу читала Людмила Бахарева.

— Интересно? — спросил я.

— Проходите, гражданин, не мешайте, — ответила Бахарева, не глядя на меня, а глядя в книгу.

— Конец рабочего дня, пора домой.

Женька Титаренко захлопнул книгу, начал складывать в папку листы какой-то рукописи... Когда мы собрались уходить, Бахарева уже была одета, стояла у окна, кого-то ждала. Мы с Женькой Титаренко прошли мимо нее. Я на всякий случай спросил:

— Людмила, ты идешь?

Она огрызнулась, словно хотела укусить:

— Нет!

Я не сразу понял, почему она так ответила и так враждебно посмотрела на меня. Потом уже на лестнице догадался: она в последнее время часто уходила вместе с Женькой Титаренко. Им было по пути. А тут я напросился в попутчики и разрушил их дружескую прогулку.

В Центрально-Черноземном книжном издательстве вышла наша повесть «Я верю в Атлантиду». И тут же Бахарева написала свою повесть: «Меня притягивает солнце». Мы все, живущие в одном времени, подвержены общим настроениям, используем одни и те же интонации, хотя и не замечаем этого до поры до времени. Повесть была написана, как и наша «Атлантида...», в стиле молодежной прозы журнала «Юность».

Моя повесть «Ньютоново яблоко» была напечатана в этом знаменитом журнале. Я чувствовал себя полномочным представителем нового молодежного стиля, характерного тем, что молодые и красивые герои постоянно острили по любому поводу. И в повести Людмилы Бахаревой «Меня притягивает солнце» герои острили не хуже, чем у Аксенова в «Звездном билете» или в «Апельсинах из Марокко». Я прочитал повесть, она мне понравилась.

— Давай отвезу в «Юность», — сказал я.

— Давай! — сказала Людмила.

Все складывалось замечательно. Только что вышла наша общая повесть «Я верю в Атлантиду». По стихам Людмилу Бахареву должны были принять в Союз писателей. Планировалось 15 июня торжественное вручение билетов молодым писателям в Москве.

Я отвез повесть «Меня притягивает солнце» в журнал. Очень быстро пришел ответ на мое имя. Удивила и огорчила странная фраза: «Практически повесть нас не заинтересовала...»

Я несколько дней держал этот ответ у себя, не решаясь сообщить Людмиле неприятную новость. Потом пришел в издательство, молча положил конверт с логотипом журнала «Юность». Подруга прочитала ответ, засуетилась, показывая, что ей все равно, что там о ней думают. Неловко махнула рукой, столкнула на пол чернильный прибор. Я поднял, поставил на безопасном расстоянии от ее рук.

— Есть еще одна неприятная новость. Тебя не вызовут в Москву 15 июня. Гордейчев просил передать: твой прием отложили до следующей книжки.

— Я так и знала, так и знала.

— Плюнь, — посоветовал я.

— Ты меня что — утешаешь? Я давно знала. Я знала заранее.

Тамара Давиденко вышла из редакционной комнаты, чтобы не слушать наш разговор. Людмила опустила голову. И я увидел, как ее очки замутились, а голос дрогнул:

— Не надо ничего.

Слезы мешали ей говорить, но она быстро взяла себя в руки.

ИЗ СТИХОВ ЛЮДМИЛЫ БАХАРЕВОЙ

Но вот однажды, щепок настругав,
Он вдруг сказал, спокойствием пугая:
— У нас был в Ленинграде попугай.
В сорок втором мы съели попугая...

Это сказал мальчик, с которым Бахарева дружила.

ПИРОЖКИ ДЛЯ БЕРИИ

Неожиданно Людмила и Олег переселились в большую квартиру с высокими потолками, расположенную неподалеку от областного Управления КГБ. У Бахаревой была вторая тетка. Ее муж служил в этом строгом ведомстве. Квартира вместе со всеми вещами досталась Людмиле по наследству.

Я был в новом жилище у своих соавторов всего один раз. Хранилось в этом доме большое блюдо с портретом Берии. Муж тетки, должно быть, получил в награду за хорошую работу.

— Мы сюда складываем горячие пирожки, — с усмешкой сказала Людмила. — Пусть они жгут ему морду.

НА ВТОРОМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

3 марта 1965 года... Второй съезд писателей РСФР. Проходим через Боровицкие ворота. До начала заседания минут сорок. В нижнем помещении Кремлевского Дворца многолюдно. Группы писателей перемещаются навстречу друг другу, здороваются, обнимаются.

Воронежская делегация большая. Зиновий Анчиполовский приехал с женой. Мы сдали свои пальто на вешалку, стоим, оглядываемся: куда идти? Рядом со мной Людмила Бахарева, с которой мы представляем на съезде «Республику слова». Правда, об этом никто не знает. Официально мы (я и Бахарева) приехали от Воронежской писательской организации. Мы с ней не делегаты, мы — гости.

Москва прислала шесть гостевых билетов. Председатель правления Воронежской писательской организации К. Локотков встретил меня в «Подъеме», сказал:

— Потом зайди ко мне, разговор есть.

Через некоторое время я зашел к нему. Дверь кабинета Локоткова всегда открыта. Я заглянул в проем, постучал в раму:

— Можно?

— Иди сюда. Садись. Хочу с тобой посоветоваться. Как ты считаешь, кому из молодых дать гостевой билет?

Я пожал плечами:

— Бахаревой или мне.

В тот же день состоялось заседание правления. Решили дать билет Бахаревой. Мне было обидно, но за Бахареву я все же порадовался. На следующий день выяснилось: старейший писатель Максим Подобедов отказался ехать на съезд гостем. Его билет отдали мне. И вот я в Кремлевском Дворце, рядом вся наша делегация. Мы топтались около вешалки, поджидая, когда сдаст пальто Локотков, чтобы идти всем вместе в зал. В толпе мелькнула слегка сгорбленная спина высокого Евтушенко. Он был в эту пору необыкновенно знаменит. И даже те, кто не принимал его стихи, хотели увидеть скандального автора.

— Вон пошел Евтушенко, — сказал я.

— Где? Где? Покажи! — оживились Зиновий Анчиполовский и его жена Алла Борисовна.

И когда я показал, они двинулись за ним, чтобы лучше рассмотреть. И шли некоторое время, наткаясь друг на друга, потому что смотрели на Евтушенко и не видели друг друга.

Мы с Бахаревой остались вдвоем. Глядели на идущих мимо нас писателей, обменивались короткими репликами. Через некоторое время Евтушенко снова появился в толпе. Он шел, как всегда, глядя поверх голов. Увидел Василия Белова, поздоровался с ним за руку, что-то сказал с улыбкой. Наконец, поэт поравнялся с нами. Я окликнул его:

— Евгений Александрович!

Он остановился. Не стараясь скрывать смущения, я сказал:

— Вот поэтесса из Воронежа, Людмила Бахарева, хочет познакомиться с вами.

Он протянул ей руку:

— Очень приятно.

Тогда уже, преодолев смущение, я сказал:

— У нас в Воронеже много ваших почитателей.

— Я знаю. Там есть у вас такой поэт Гордейчев, «мой друг» (он подчеркнул голосом кавычки). — Я хочу вам рассказать одну историю. Я хочу, чтобы вы это знали. Гордейчев как-то подошел ко мне и говорит: «Женя, я написал поэму про тебя, совершил подлость. Ты извини меня. Хочешь, я тебе ее прочту?» Я ему ответил: «Не хочу». Он сказал, что печатать ее не будет. А потом напечатал.

Уходя, Евтушенко усмехнулся:

— Я ему простил.

Не простил. Позднее он выпустил свой многолетний труд — антологию русской поэзии «Строфы века», куда включил стихотворение одного молодого поэта из Воронежа. А стихи Владимира Гордейчева, известного поэта, однокашника по Литературному институту, с которым сидел за одним столом, не включил.

Съезд закончил работу. Евгения Евтушенко никуда не выбрали. Не был он избран и делегатом на IV Всесоюзный съезд. Счетная комиссия огласила протоколы: дополнительно в бюллетени внесены фамилии: Евтушенко — 5 голосов, Абрамов — 1 голос. И все.

В том же марте месяце, уже в Воронеже, мы шли с Гордейчевым по проспекту. И он сказал:

— Я раскаиваюсь, что написал стихи против Евтушенко. Но я ему их читал. Меня тогда удивило: он равнодушно к ним отнесся. Спросил только: «Когда ты их написал?» — «В апреле». — «Да?». И все. А теперь не подходит, отворачивается. Мне передавали, что очень обиделся.

До этого дня я ничего не говорил ему о встрече с Евтушенко на съезде. Тут я подробно пересказал слова «друга» и однокашника.

— Да-да, обиделся, — сказал Гордейчев.

Мы дошли до гостиницы «Воронеж», постояли на углу. Мне нужно было поворачивать направо, на Никитинской улице жила моя мать, я шел к ней. Гордейчеву надо было идти через площадь, в обком по каким-то своим делам.

— Он простил тебя. Так он сказал в конце разговора.

— Нет! Вышла книжка — не прислал. Раньше всегда присылал.

Он улыбнулся. Улыбка у него вышла виноватая, жалкая.

— Ну, ладно, рассосется, — сказал на прощанье.

Не рассосалось. Больше они не встречались, не переписывались, не обменивались книгами.

ПАМЯТНИК АЛЕКСЕЮ КОЛЬЦОВУ

12 июня 1990 года на Первом съезде народных депутатов учрежден был праздник — День независимости России. Олег Шевченко откликнулся на это событие стихами:

— Браво, брависсимо.

Русь независима!

— Не зависима? От кого?

— От народа своего!

Стихи вошли в книжку «Винительный падеж», напечатанную в «Центре духовного возрождения Черноземного края» в 2006 году.

О России думал. Незадолго до этого мы встретились с ним, как всегда, в газете «Коммуна». Я прочитал ему свое новое стихотворение о Кольцове. Годом ранее Олег Ласунский выпустил красочно оформленный сувенирный сборник, посвященный Алексею Кольцову, куда включил всех воронежских поэтов. А меня в сборнике не было, потому что стихов, посвященных А. Кольцову, я не написал.

Меня это задело: вроде я и не из воронежских степеней. Попасть в книжку, уже вышедшую, я не мог. Новое издание не предполагалось. Но я увидел фотографию памятника А. Кольцову в Москве и все же написал стихи, посвященные великому земляку.

Листочек со стихами остался на редакционном столе у Олега.

Через год, как обычно, осенью, я прилетел из Америки в Воронеж. Купил в киоске все газеты, чтобы сразу узнать новости на родной земле. Развернул «Коммуну», а на странице — мои стихи:

К ФОТОГРАФИИ ПАМЯТНИКА
А. КОЛЬЦОВУ В МОСКВЕ
(1918 год)

Скупые солнца блики,
Фон матовый свинцов.
На этом старом снимке —
Есенин и Кольцов.

О, Русь, порой осенней
На площади толпа.
И в той толпе — Есенин,
Откинул чуб со лба.

О, Русь, степные дали
И неба звездный кров!
Сидит на пьедестале
Твой Алексей Кольцов.

Берет Есенин слово
(Откройте первый том),
Позолотил Кольцова
Есенинским стихом.

Позолотил, огненные
Не износить обнов:
«Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов».

Дожди со снегом пали,
Размыт и лик, и вид.
Кольцов на пьедестале
Давно уж не сидит.

Осталось только фото
Для будущих веков.
Да светит позолота
Есенинских стихов.

Такая же основа —
Чем купол золотят,
Есенинское слово:
«Кольцов —

мой старший
брат».

Я не собирался предлагать стихи «Коммуне». Я принес их, чтобы прочитать Олегу. Должно быть, он воспользовался тем, что сам «рисовал» — верстал номер газеты. Этому искусству он научился в совершенстве у ответственного секретаря Бориса Подкопаева.

И это был последний привет от Олега Шевченко. Как бы отъезжая на лодке Харона от берегов Стикса, он помахал мне рукой.

Новую книгу стихов «Винительный падеж», вышедшую за год до его смерти, мне подарили в «Центре духовного возрождения Черноземного края». На своих книжных полках они оставили часть тиража для подарков.

«Винительный падеж» — точное название. В том, что произошло со страной, Олег винил народных депутатов России, но и себя тоже:

Век мой в пропасть летит.
Дом пожаром объят.
Кто иной виноват?
Сам я в том виноват...

«МОЛОДОЙ КОММУНАР» И ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН

Евгений Дубровин — солидный толстый человек — создан для карьеры. Одевается во все новое: синий, с иголки костюм, рубашка в мелкую клеточку, застегнутая на все пуговицы, остроносые, тщательно начищенные ботинки. Вид у него такой, как будто втянул шею, расправил плечи и шагает эдаким уверенным в себе шкафом. Волосы ежиком, хорошо причесаны.

Дубровина назначили заместителем редактора газеты «Молодой коммунар». Наверняка будет редактором. Я принес в газету стихи, отдал их и зашел в отдел к Эмме Худяковой, с которой дружила моя жена, и мы часто встречались.

Эмму срочно вызвали к ответственному секретарю. У нее в номер шел материал — очередная подвальная статья на моральную тему. Смотрю: входит Дубровин. Двигается ко мне не торопясь, вразвалочку. Подходит, кладет одну руку на спинку стула, а другую на стол, наклоняется и полупшепотом говорит:

— Ты знаешь, старик, я написал абстрактную картину.

— Да брось ты, — не поверил я.

— Да.

— «Ссора в солнечный день».

— Так называется?

— Да. Понимаешь, мы с женой ругались, а в это время в окно светило такое солнце. На стене плавали рамы в солнечных зайчиках. Какой-то провал. Я схватил карандаш и набросал. Получилось гениально.

Я слушал его и своим ушам не верил. Неповоротливый, медлительный человек, облеченный редакторской властью, наклонившись надо мной, шепчет что-то про абстрактную картину.

— Жена не видела, что я набросал, она ругалась и, когда заглянула ко мне через плечо, запнулась на полуслове. Я хочу попросить Юрку Рачинского: пусть натянет мне полотно. Я вообще считаю, что в будущем люди будут писать абстрактные картины. Это единственное искусство, которому не надо учиться для того, чтобы выразить свои чувства, передать их другим.

ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН — ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И вот — свершилось: Женька Дубровин стал главным редактором «МК». Мы с Романом Харитоновым зашли его поздравить. Огромный кабинет. Женька сидел за большим столом. Он откинулся на спинку кресла. Наш друг чувствовал себя удобно в такой вольной позе.

Мы с Романом сели по другую сторону стола в кресла для посетителей. Дубровин еще был доступный, но уже настолько важный, самодовольный, что становилось немножко не по себе. Наконец, он не сдержал распирающего его самодовольства, сказал:

— Есть хорошая новость. — И заулыбался.
— Какая? — спросил Роман.
— Меня включили в состав делегации для поездки в Монреаль.
И заулыбался еще шире, счастливый, довольный, важный.

НА БЮРО ВОРОНЕЖСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. 1967 ГОД

Излюбленная поза Евгения Дубровина — сидеть прямо и держать руки на коленях. Говорил он всегда, не вставая из кресла, только руки поднимал с колен, чтобы сделать вялый жест.

На бюро решался вопрос о переиздании книг. Дубровин сидел грузный, розовый, симпатичный. Улыбался и молчал. Но было видно: не согласен с Троепольским, который предложил список книг для переиздания.

На другой день я зашел к нему в редакцию газеты «Молодой коммунар». Спрашиваю:

— Ну, как тебе понравилось бюро?

— Мне понравилось твое выступление, — сказал и заулыбался.

Я предложил переиздать его повесть «Грибы на асфальте».

ПЕРО ДЛЯ ХАРИТОНОВА

Кто родился в Воронеже, всегда стремится вернуться в родной город, как бы далеко ни уехал.

Роман родился в Воронеже, здесь начал печататься в газете «Молодой коммунар» еще школьником. Потом окончил Литературный институт, женился на москвичке, и мы стали видеться реже. Но каждый приезд моего друга был праздником и для него, и для меня.

Как всегда, Роман возник в моей телефонной трубке внезапно:

— Пашнев, привет!

— Это ты, Харитонов? — спросил я.

— Да.

— Ты где?

— В Воронеже.

— Откуда ты взялся?

— Из Курска. Ездил брать интервью для «Сельской молодежи».

Через час мы уже сидели за столом. А на другой день совершили традиционную литературную прогулку по маршруту: журнал «Подъём», газета «Коммуна», газета «Молодой коммунар», телевидение.

В «Молодом коммунаре» в огромном кабинете за большим столом сидел наш друг и хороший писатель — Евгений Дубровин.

Он, как обычно, слегка улыбался: будто знает что-то, но не скажет. Женька встречал нас как друзей. Но невозможно было забыть, что это — главный редактор. Он сидел, положив обе руки на свой начальный стол, тщательно подстриженный и еще более тщательно выглаженный. Должность обязывала — выглядел идеально.

В углу кабинета за спиной главного редактора стояла гигантская ручка с гигантским пером, которую подарили «Молодому коммунару» в день 50-летия. Харитонов был рад встрече с земляками. Ему хотелось дурачиться. Он живо подскокил к гигантской ручке, схватил ее обеими руками, пробежался по просторному кабинету с пером наперевес, как с винтовкой или пикой.

— Подари мне эту ручку, — попросил он.

Было видно: ему очень хочется унести отсюда этот предмет.

— Нельзя, — снисходительно улыбнулся Дубровин.

— Нет, правда, подари. А то мне не верят, что я — первое перо журнала «Сельская молодежь».

Дубровин и на этот раз только улыбнулся.

Тут же находился секретарь редакции, поэт Станислав Никулин.

— Где-то у нас было запасное перо, — усмехнулся он.

Харитонов оживился:

— Нет, правда, подари, подари мне! — И он посмотрел сначала в лицо секретарю, затем главному редактору «Молодого коммунара». — Я здесь начинал печатать свои стихи. Это и мое перо.

Улыбка снова тронула губы Дубровина.

— Стас, найди! — сказал он Никулину.

Тот порывлся в шкаф, что стоял в глубине кабинета, нашел перо блестящее и острое — величиной с полметра. Харитонов тотчас же ухватился за него, быстро стал заворачивать в газету.

— Буду с собой возить в портфеле.

Всю остальную часть дня мы с Харитоновым ходили по городу с этим пером. При каждом удобном случае он выхватывал его из свернутой газеты, как из ножен:

— Я — первое перо газеты «Молодой коммунар» и журнала «Сельская молодежь».

И острый блестящий артефакт был как бы доказательством этого.

Евгений Дубровин

ЗА ОБЩИМ СТОЛОМ

Евгений Дубровин не зря улыбался. Ему была свойственна улыбка и в творчестве. После романа «Грибы на асфальте» и повести «В ожидании козы» он очень быстро стал признанным юмористом и сатириком. О его книгах появлялись статьи в центральной печати.

Неожиданно Евгений Дубровин исчез из Воронежа. Он «вынырнул» в Москве. Его назначили главным редактором журнала «Крокодил».

Неожиданно и я исчез из Воронежа: поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР.

Занятия наши проходили в здании «Театра киноактера», расположенного на улице Воровского, напротив Центрального дома литераторов. В ресторане ЦДЛ, в дневное время, кормили комплексными обедами членов Союза писателей, которые работали в московских редакциях газет и журналов. Были накрыты длинные столы, на которых к определенному часу уже стояли дымящиеся тарелки с борщом или рыбной похлебкой. Удобно для тех, кто приехал с работы или торопится на работу. Обеды были недорогие и вкусные. Ресторан ЦДЛ славился своими поварами.

«Театр киноактера» находился близко от Дома писателей — только перейти

через дорогу. Перерыв на курсах совпадал с обеденным часом писателей, работающих в редакциях. Я тоже стал приходить в ресторан — в зал комплексных обедов. За этим длинным столом с дымящимися тарелками мы и встретились с Евгением Дубровиным.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он у меня.

— Учусь на курсах.

Мы стали встречаться каждый день. Заинтересованные разговоры не возникали, слишком далеко мы уехали от Воронежа. Улыбались друг другу доброжелательно. Вопросы задавали чисто ритуальные:

— Привет! Как дела?

— Ничего.

Обедали молча и расходились в разные стороны. У Евгения Дубровина «ничего» было заполнено многими заботами. Он редактировал серьезный журнал, за которым присматривали в ЦК КПСС, издавал новые книги. Я учился на курсах, смотрел по многу часов подряд фильмы из мировой классики, подписал на киностудии имени М. Горького договор о запуске в производство фильма по моему сценарию «Поле перейти».

И уже когда фильм был снят, случайно узнал: не стало Женьки Дубровина. Крепкий широкоплечий человек почувствовал недомогание. Поехал в поликлинику к врачам. Его посмотрели, послушали ипустили. Он приехал домой и умер.

Так оборвалась счастливая судьба и завидная карьера писателя с хорошим чувством юмора. Десять лет он редактировал журнал «Крокодил» — 1975–1985 годы.

